
ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

Неудачный поход генерала Леонтьева на Крым. - Совецание Миниха с запорожцами насчет будущей кампании. - Ссора Миниха с принцем гессен-гомбургским. - Вести из Персии и Австрии. - Кампания 1736 года. - Осада Азова. - Крымский поход Миниха. - Столкновение его с князем Шаховским. - Взятие Перекопи, Козлова, Бакчисарая. - Возвращение Миниха к Днепру. - Взятие Кинбурна и Азова. - Столкновение Миниха с Леси. - Переписка его с императрицею. - Донесения резидента Вешнякова из Константинополя. - Выезд его оттуда. - Известия из Персии, из Вены. - Кампания 1737 года. - Взятие Очакова. - Донесение австрийского военного агента Беренклау. - Крымский поход Леси. - Действия австрийцев. - Немировский конгресс. - Кампания 1738 года. - Второй поход Леси в Крым. - Австрийские известия о способе ведения русскими войны. - Действия персиян и австрийцев. - Посредничество Франции. - Донесения русского посланника Кантемира из Парижа. - Кампания 1739 года. - Интриги Орлика. - Ставучанская битва. - Взятие Хотина. - Занятие Ясс. - Мир.

В августе 1735 года Миних переправился через Дон и остановился в Новопавлопске. Здесь 29 августа получил он высочайший указ, в котором отдавалось на его волю - начать ли осаду Азова нынешнею же осенью или отложить до весны, а зимою держать крепость в тесной блокаде. Миних отвечал, что избирает последнее, но, чтоб не терять времени, немедленно отправится к украинской линии в местечко Кишенки к тамошней армии, чтоб с нею предпринять поход на Крым: время для этого самое благоприятное, потому что татары перебрались на кубанскую сторону для персидского похода. В это время Миних избавился от неприятного ему человека: умер командовавший Украинскою армиею генерал Вейсбах, на которого возложена была крымская экспедиция: он считал себя старше фельдмаршала и потому не хотел подчиняться ему. Жалуясь на Вейсбаха, Миних писал, что генерал Леси, который также старше его, никогда не предъявлял подобных претензий.

В сентябре, находясь в Полтаве, Миних и вся свита его занемогли местною лихорадкою, но болезнь не помешала фельдмаршалу распорядиться отправлением в Крым генерал-лейтенанта Леонтьева с 22000 регулярного и 26000 иррегулярного войска (но собственно Леонтьев мог выступить только с 39795 человеками). Уведомляя об этом императрицу, фельдмаршал писал: "Если крымская экспедиция окончится благополучно, то пленных христиан, которых там считают до 20000 семейств, куда прикажете отвозить для поселения?" Леонтьев выступил в поход 1 октября от реки Орели по направлению к реке Самаре. От постоянной засухи вода в степных реках была очень низка, и войско переправлялось через них

беспрепятственно, но на случай поднятия воды к обратному пути солдаты все же строили мосты. Сам Миних переехал из Полтавы в местечко Царицынку, лежащее на границе, где предполагал оставаться до тех пор, пока приведет в безопасное состояние сообщения и постирунги вплоть до Перекопи, чтоб войско могло иметь надежный обратный путь. 6 октября Леонтьев стоял на речке Вороне, а на другой день достиг речки Осаковки, где местами степь летом была выжжена татарами, однако уже поднялась молодая трава, и армия в дровах, воде и конском корме нужды не терпела. У реки Конские Воды русские напали на аулы ногайских татар, убили более тысячи человек, захватили с лишком 2000 штук рогатого скота, 95 лошадей, 47 верблюдов. "Причем, - писал Миних, - наше войско со всякою бодростью поступило, и никому пощады не было". Этим делом и ограничился поход: с 13 числа начались дожди, потом снег, крепкие морозы, и 16 числа на урочище Горькие Воды Леонтьев собрал военный совет, на котором предложил вопрос: идти ли далее или возвратиться? Ответ был, что надобно возвратиться, потому что уже пало около 3000 лошадей: схваченные татары и возвратившийся из Крыма прасол объявили, что далее лесу и воды нет, до Перекопи еще десять дней пути и в это время при такой погоде все лошади перемерут.

Миних сильно досадовал на возвращение Леонтьева ни с чем, тем более что это была его мысль идти в Крым осенью, после уборки хлеба, но делать было нечего. В ноябре он вызвал в Царицынку запорожского кошевого Милашевича с другими знатными козаками для совещаний о будущем походе. Фельдмаршал спрашивал их, в каком числе они могут собраться к походу. Запорожцы отвечали, что войско их ежедневно прибывает и убывает и потому о числе его подлинно показать никак нельзя, надеются, однако, собрать до 7000 человек, хорошо вооруженных, но не все будут на конях. Потом, спрошенные, каким образом и в какое годовое время, но их мнению, удобнее идти в крымский поход, запорожцы отвечали: армия должна выступить в поход 10 апреля от реки Орели, потому что в это время в степи от недавних снегов и дождей еще не может быть нужды в воде, трава везде в полном росту и неприятелем сожжена быть не может, также по пашням озими весною способны быть могут; в Крыму нынешним летом был урожай, следовательно, и там армия в хлебе нуждаться не будет, ногайцы против регулярного войска не устоят, и русская армия беспрепятственно войдет в Крым: перекопские укрепления остановить ее не могут.

Серьезная война еще не начиналась, а уже генералы перессорились. Миних оставил войска в Польше под начальством генерал-фельдцейгмейстера принца гессен-гомбургского, который должен был выводить их на Украину. Фельдмаршал был недоволен некоторыми его распоряжениями и выразил свое неудовольствие в письме к нему; принц отвечал: "Что, ваше графское сиятельство, в наставление мне писать изволите, чтоб впредь того не чинить: и за оное (хотя при моих летах знаю, что чинить надлежит) вашему сиятельству благодарствую; однако притом доношу, что я уже

имею честь быть в службе ее величества четырнадцать лет, а еще того не чинил, чтоб ее величеству противно было, и того не надеялся, чтоб я от вашего графского сиятельства за то, что к лучшей пользе интересов ее величества чинил, мог реприманды получить, и весьма чувствительные, и прошу меня оными обойти".

Из Персии также начали приходить в Петербург не совсем благоприятные вести. После отъезда Голицына резидентом при Кулы-хане остался секретарь Калушкин, который, приехав к нему под Карс, удивлен был бездействием персидского войска. Причиной бездействия было то, что турки хлопотали о мире, обещали сдать Эривань и исполнили обещание, после чего Кулы-хан отправился в Тифлис, куда последовал за ним и Калушкин. 13 октября из Тифлиса резидент послал к Остерману отчаянное письмо, в котором извещал, что Кулы-хан согласился на мир с турками, обещая, впрочем, Калушкину, что без участия России мир не состоится. В ноябре Калушкину было объявлено, что Порта противится включению России в мирный договор, ибо Россия сама с нею ищет ссоры, нападая на Польшу, которая находится под покровительством султана. Калушкин объяснил Кулы-хану, что Польша - государство вольное, избирает сама себе короля и теперь избрала сына прежнего своего короля, но французский король, друг Турции, хотел ей навязать тестя своего в короли; поляки просили Россию защитить их вольность, что она и исполнила. "Вижу вашу правду, - сказал на это Кулы-хан, - бог меня не помилуй, если я заключу мир с турками без России, потому что такую великую милость русской императрицы никогда из памяти моей не выпущу; ни я, ни все Персидское государство за эту милость заслужить не можем; я не забыл, от кого я действительно доброжелательство видел и кто Иранскому государству руку помощи подал: все это сделала Россия, выше которой никого в свете не почитаю".

Такие же уверения слышались и со стороны европейского союзника: в Вене императорские министры прославляли пред Ланчинским опыты дружбы, которые оказывала Россия Австрии, и уверяли, что цесарь не преминет отплатить такими же услугами. В июле Карл VI велел послу своему в Петербурге графу Остейну принести императрице торжественнейшую благодарность за великодушное вспоможение войском, причем отозваться с похвалою о дисциплине русских полков. Россия не преминула потребовать от Австрии *таких же услуг*, потому что Порту надобно было принудить к начатию мирных переговоров более сильными средствами.

В марте 1736 года Миних лично начал осаду Азова, но, когда каланчи и укрепление Лютик были взяты, фельдмаршал поручил окончание дела генералу Левашову, а сам отправился на Днепр к войску, назначенному в крымский поход и собиравшемуся в городке Царицынке на украинской линии под начальством принца гессен-гомбургского. 14 апреля он писал императрице из Царицынки: "Хотя капитан-паша из Царьграда к Азову и

отправлен и туда прибудет, только надеюсь, что он будет свидетелем, а не помощником городу, как французы при Данциге, ибо Азов от 5 апреля по диспозиции моей кругом, как сухим путем, так и водою, уже осажден и никакой помощи получить не может, а наши войска с верхнего Дона ежедневно прибавляются, артиллерии с излишеством вскоре прибудет, также и морские суда - 15 галер и 9 прамов. Я бы желал, чтоб турецкого войска было побольше туда отправлено, ибо чрез это силы неприятеля разделились бы - для крымской экспедиции немалая польза и туркам напрасный убыток. На помощь Крыму большого турецкого войска прийти не может, ибо отправление водою требует большого транспорта, которого скоро сделать нельзя, а на сухом пути предстоят четыре переправы чрез большие реки - Дон, Днестр, Буг и Днепр, и турки должны будут пройти почти двойное расстояние против нашего. Что Порта хочет избегать с нами сражений и вести оборонительную войну, это нам выгодно, потому что развязывает нам руки против татарских орд. Что касается азовских подкопов и мин, то прошу ваше величество положиться в этом на мое попечение и искусство в инженерном деле. Крепко надеюсь, что как скоро осадная артиллерия под Азов прибудет, то город вскоре сдастся, сопротивление не может продолжаться далее 15 мая, после чего можно будет с Дону от 15 до 16000 человек подле берега Черного моря прямою дорогою отправить в Крым; это войско в половине июня соединится в Крыму с главною армиею; к этому же времени должны подойти и те полки, которые идут из Польши и Богемии, и нанесут туркам большой страх. Татарам но должно давать времени, и потому спешу с крымскою экспедициею. Всенижайше прошу в благополучном сих экспедиций произведении никакого сомнения не иметь; ни в войске, ни в провианте и воде и в прочем никакого недостатка и опасностей быть не может". 17 апреля приехал в Царицынку другой новопожалованный фельдмаршал, Леси, возвратившийся из рейнского похода, и тотчас же имел конференцию с Минихом; было решено: Леси на другой же день ехать под Азов, а Днепровской армии немедленно выступить к Крыму; к полкам, которые шли к Днепру с Дона и Донца, также из Богемии и Силезии, послать указы, чтоб по возможности поспешили к Царицынке, где, взявши на два месяца провианта, идти за армиею, действующею против Крыма. 20 апреля Миних выступил из Царицынки с армиею, простиравшеюся до 54000 человек и разделенною на пять колонн: генерал-майор Шпигель командовал первою колонною, составлявшею авангард; принц гессен-гомбургский вел вторую; генерал-лейтенант Измайлов - третью; генерал-лейтенант Леонтьев - четвертую и генерал-майор Тараканов - пятую. 21 Миних перешел реку Самару и вошел в турецкие владения; 30 апреля армия остановилась у речки Белозерки, в трехстах верстах от Царицынки, и здесь держан был совет, какою дорогою идти к Перекопи - прямо ли степью или подле Днепра; на основании мнения запорожского кошевого и других знающих козаков избран был второй путь. Остановкою на Белозерке Миних воспользовался для того, чтоб написать императрице донесение насчет украинской линии. Для работ на этой линии он потребовал 53263 человека;

распоряжавшийся в Малороссии князь Шаховской представил в Петербург, что такое число работников без разорения народа наряжено быть не может и с козаков, употребленных на работу, податей брать будет нельзя. В Петербурге согласились с мнением Шаховского и отказали Миниху. Тогда тот написал, что, находя работу необходимою, по присяжной должности снова представляет о ней. "При существовании укрепленной линии, - писал Миних, - армию не нужно раздроблять, оставляя полки и целые корпуса для защиты границ, для чего достаточно было бы гарнизонов с ландмилициею и козаками. Генерал-майор Дебриньи, управлявший работами по линии, только испортил дело, потому что сам не смотрел, а полагался на рапорты, на лошади он ездить не может, пешком линии обходить далеко и трудно, в коляске объезжать нельзя по причине ям и неровностей. Я прошлою зимою по узкой и не прямой дороге, с опасностью жизни объехал верхом линию и осмотрел все подробно; я нашел, что необходимо прикрыть новою линиею Бахмутскую провинцию с ее соляными варницами и магазином в Изюме. Граница от Днепра до Донца прикрыта весною разливающимися реками и непроходимыми болотами, сверх того, в военное время содержатся форпосты на реке Самаре, и таким образом эта граница имеет двойную оборону; несмотря на то, на ней работа произведена, крепости построены, и сделано без пропорции множество негодных редутов, а Бахмутская провинция, лежащая открыто по той стороне Донца близ турецкой границы, забыта. Какие же следствия? Не только тамошние жители и приезжие за солью захватываются в плен татарами, но и генерал Леси во время проезда чрез степь подвергся нападению и грабежу и едва успел спастись под защиту линии. Донские козаки за реками Доном и Донцом прикрыты и, как привычный к войне народ, против татарских набегов сами обороняться будут; и этих разбойников, беспрестанно нападающих на Бахмутскую провинцию, они могли бы удержать, если бы с турецкой стороны калмыкам, ногайцам и крымцам не было дано позволения к грабежу в наших границах, а нашим козакам и калмыкам на таких разбойников ходить и за границу их преследовать под смертною казнию (не знаю, по какой политике) запрещено, хотя и мы могли бы выставить то же оправдание, какое выставляют и турки, т.е. что без указа все сделано. Вследствие этого ваше величество потеряли многие тысячи подданных своих, которые умножают число турецких рабов и отчасти против нас самих служат. Такие разбойничества утаиваются, об них не доносят, и никто лучше генерала князя Шаховского об них не знает, ибо ему ежегодно известна прибавка и убавка жителей во всей Украине. Оставить линию от Донца до Лугани недоделанною и только по счастливом окончании нынешней войны возобновить работы - это все равно как если бы корабль во время бури оставить между камнями и в опасности, а после бури в гавань его вводить. В прошлом году так много тысяч людей к той работе прислано, что с ними пять таких линий отделать и Бахмутскую провинцию прикрыть можно было бы; эти люди тогда вследствие плохого присмотра без дела гуляли, отчасти нарочно трудились, чтоб линию испортить; ибо вместо тележек

шубы и концы кафтанов своих употребляли для переноски земли, и где места ровнять было нужно, тут бесчисленное множество ям выкапывали. А когда теперь под моею дирекциею при опасном военном времени все распоряжения сделаны, инженеры в разных расстояниях расставлены, неприятель возбужден, армия от границ отдалается, время не терпит и важная польза получена быть может, то вместо требуемых 24000 ни одного человека не дают, остальных - поздно и, когда уже время прошло, присылают под предлогом, чтоб народ не разорить: но кто против нападающего неприятеля укрепление строит и против разбойников ворота затворяет, тот не разоряет, а защищает. Тяжкий ответ должны дать богу и вашему величеству генералы князь Шаховской и Тараканов за то, что во время их управления в Украине народ до конца разорен; в государствовании великодушнейшей императрицы, неусыпно пекущейся о благе подданных, козацкие города, на обыкновенных дорогах лежащие, опустошаются, и заложенные помещиками слободы внутри земли, в сокровенных местах, свободны от прихода войск, подводов и постоев; хлеб в них перекуривается в вино, что умножает пьянство и гуляние, а в магазины вашего величества провиант покупается так же дорого, как на Балтийском море, и едва за деньги его достать можно; магазины оттого пусты и войска без хлеба. Владельцы слобод обещают козакам на несколько лет вольность, и те как бешеные туда бегут, покинув дворы и землю: когда вольные годы прошли, то они к другому помещику побегут и такими переходами целый год работу пропустят. Когда таким образом козак по всем помещикам переходил и нигде счастья не нашел, то охотно бы возвратился в старый свой город, ибо там обыкновенно лучшие места, но это им запрещено под жестоким наказанием, и города остаются пустыми, а командующие в Украине генералы заботятся только о приращении новозаложенных слобод своих. Козаки многими тысячами в Польшу, к запорожцам, татарам и туркам бегают и против России служат, а Украина, такая благословенная земля, опустошается. Наказной переяславский полковник Тамара сегодня мне сказал, что в нынешнем году до 1800 козаков из его полку сбежали, о чем он в надлежащее место и репортовал. В прежние времена гетманские козаки могли выставлять в поле до 100000 человек: в 1733 году число служащих убавлено до 30000 и в нынешнем году до 20000, из которых теперь 16000 человек наряжены в крымский поход; им велено в начале апреля быть у Царицынки в полном числе, но мы уже прошли 300 верст от Царицынки, а козаков гетманских при армии только 12730 человек, и половина их на телегах едут, и отчасти плохолоудны, отчасти худоконны, большую часть их мы принуждены возить с собою, как мышей, которые напрасно только хлеб едят. Напротив того, запорожцы из того же народа, беглые из той же Украины, на каждого человека по 2 и по 3 хороших лошади имеют, сами люди добрые и бодрые, хорошо вооруженные: с 3 или 4 тысячами таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус. Из слободских полков наряжены были 4200 человек; из них теперь при армии только 2360 человек, отчасти плохие люди, отчасти худоконные. Причины тому такие, например, что

старый полковник, искусный солдат, дома оставлен, а полковником сделали молодого человека, брата острогожского полковника Тевяшова, и дали ему команду над козаками, но так как этим старые офицеры обижены, то они над командой такого молодого человека, который никогда неприятеля не видал, только смеются, и от них происходят беспорядки и всякие непристойности. Помянутый острогожский полковник Тевяшов в прошлом году в поход не пошел, потому что страдал головою болезнью, а теперь занимается важным делом, лошадой собирает: дело в том, что он жену взял из Арсеньевской фамилии, сам богат и патронов имеет. Полтавский полковник Кочубей имеет в Москве важное поручение при составлении нового уложения для Украины, для такой земли, где никакого права нет, но, кто больше даст, тот и дело в суде выиграет. В Изюмский полк, требующий особенно доброго полковника, определили человека совершенно неспособного: он при обер-гофмейстере князе Трубецком бандуристом был. Прочие гетманские и слободские полковники по домам сидят, хотя полки их в поход идут: причина та, что они люди богатые: смотря на них, лучшие сотники и козаки также дома остаются, и только бедные, без связей идут в поход. Генерал князь Шаховской лучше бы сделал, если б заблаговременно уехал от двора вашего величества, осмотрел назначенных в поход козаков и поставил их в определенный срок. Я теперь генерала Тараканова понуждаю поставить 10000 человек ландмилиции, но с господами сенаторами трудно дело иметь. Ваше величество, благоволите генерала Ушакова или другого какого-нибудь верного человека хотя на один месяц прислать в Бахмутскую провинцию и изюмские города: он на тамошнее разорение, так же как и я, без слез смотреть не будет, как не только дворы, но целые улицы и слободы давно впусе лежат, и тогда узнается, что разорение народное происходит от чего-нибудь другого, а не от работы на линии".

20 мая Миних донес, что он уже в Крыму и хан с огромным войском отброшен; когда армия дошла до перекопской линии (рва, тянущегося на 7 верст от Азовского до Черного моря), то была неприятно удивлена: ее обнадежили, что линия везде осыпалась, так что местами верхом и в телегах переехать можно, а на деле увидали, что ров очень глубок, склон так крут, как каменная стена, и голова закружится, когда посмотришь на дно, брустверк по всему валу вновь сделан и башни насажены янычарами. Но передние русские плутонги летом пометались в ров: когда они с помощью пик и рогаток всходили на вал, задние плутонги и артиллерия производили беспрестанную пальбу. Через полчаса русские были на валу. Турки, сидевшие в одной башне, оборонялись целый час и были все истреблены; сидевшие же в другой башне, от Черного моря, в числе 130 человек сдались военнопленными; вечером занята была третья каланча, к Гнилому морю; 22 мая сдалась и самая крепость Перекопская с условием, чтоб турецкий гарнизон, состоявший из 2554 человек, был выпущен. 24 числа войско пошло далее по направлению к Козлову, и 30 числа на рассвете донские козаки и гусары ворвались нечаянно в татарский лагерь, достигли шатра внука ханского Калги-салтана, перебили несколько сот

татар, но, не поддержанные главным войском, которое слишком далеко было позади, должны были отступить, причем потеряли с лишком 100 человек убитыми. 31 мая войско расположилось лагерем в 54 верстах за Перекопью, против деревни Ходжамбах. Отправив генерала Леонтьева с 10000 регулярного войска и с 3000 козаков к Кинбурну, Миних держал военный совет по вопросу: идти ли дальше? Принимая в соображение, что войско в схватках с неприятелем имело до сих пор постоянный успех, что город Перекоп с линиею, каланчами, турецким гарнизоном, бунчук и знамена Калги-салтана в наших руках и знатные люди неприятельские побиты, генералитет единогласно решил идти с поспешностью к Козлову, но не далее. Мнение подписали генералы: князь Репнин, Магнус фон Бирон, фон Шпигель, Измайлов, принц гессен-гомбургский и Миних. 5 июня войско приблизилось к Козлову, и гренадеры с частью артиллерии, также половина донских и запорожских козаков отправлены были для изгнания из города неприятеля, но город уже был оставлен гарнизоном и жителями, и наибольшая часть его выжжена. Татары вышли из города так торопливо, что оставили русским богатую добычу: свинцу досталось на всю армию да еще немало побросали в море; хлебом армия запаслась на 24 дня; козаки из близлежащих деревень нахватили до 10000 баранов; получено было также много медной посуды, жемчугу, парчей и прочего добра. "Ныне армия, - писал Миних, - ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет, что во время военных операций великим авантажем служит; по пословице, мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать". Это обеспечение армии насчет провианта заставило переменить решение военного совета и двинуться из Козлова далее к Бакчисараю. Татары шли постоянно впереди русского войска и пользовались всяким случаем к нападению. Два самых сильных нападения были 17 июня у Бакчисарая, причем русские потеряли убитыми и взятыми в плен 284 человека. "Мы полную викторию получили, - писал Миних, - но в то время наши люди в таком были сердце, что никак не возможно было их удержать, чтоб в Бакчисарае и в ханских палатах огня не подложили, отчего четверть города и ханские палаты, кроме кладбища и бань, сгорели. Об этих палатах ханских и о городе на французском диалекте сделанное капитаном Манштейном описание при сем прилагаю: палаты строены по китайскому обыкновению, и чище этого строения мало видано". 25 июня было решено возвратиться в Перекоп и приблизиться к Днепру, чтоб армии дать отдых, особенно в ожидании сильных жаров, также для того, чтоб быть в состоянии сделать отпор туркам, которые, по вестям, собирались на Дунае и намерены были идти к Днепру или Очакову. Татарская туча, видневшаяся до сих пор впереди войска, теперь виднелась назад. Татары были в страшном горе: они думали, что русские пойдут от Бакчисарая к Кафе, и опустошили все по дороге к этому городу. 6 июля войско достигло Перекопи, и в тот же день Миних получил известие от Леси о сдаче Азова и от Леонтьева о сдаче Кинбурна. 17 июля Леси велел полковнику Ломану с тремястами гренадер, семьюстами мушкетеров и шестьюстами козаков взять неприятельский палисадник. Ломан при

пушечной стрельбе с русских батарей и судов взял палисадник, окруженный рвом в три сажени глубиною, побивал и гнал турок до самых городских ворот, отнял у них пушку и бочку пороху. После этого азовский паша прислал фельдмаршалу письмо, в котором изъявлял некоторую склонность к сдаче. "Но хотя бы эта склонность и отменилась, - писал Леси, - то 110 сделании бреш-батареи, которая через семь дней будет окончена, в скорых числах надеюсь взять город штурмом". Но до штурма не дошло: 19 числа паша прислал с просьбою о капитуляции, а на другой день прислал и городские ключи; по договору все мусульманское народонаселение города было отпущено в Турцию. При осаде Азова было употреблено с чем-нибудь 25000 человек; из них было убито менее 200 человек, ранено 1500; в числе легкораненых находился сам фельдмаршал.

В Петербурге были недовольны возвращением войска к Перекопи и требовали, чтоб Миних возобновил нападение на Крым в августе и сентябре. Фельдмаршал отвечал, что он возвратился для того, чтоб иметь с своими границами свободное сообщение и посылать как можно чаще донесения императрице, также турок чрез Днепр не пропустить, войско провиантом удовлетворять и отдых дать: люди от дальнего и постоянного хода очень устали, лошади за неимением в достаточном количестве воды большею частью попадали, и хотя до сих пор сильных жаров не видали, однако больных при войске немало, и болезни все усиливаются. "В порученной мне важнейшей экспедиции, - писал Миних, - поныне исполнено столько, сколько в человеческой возможности было. Теперь моя цель - привести полки в доброе состояние, укрепить перекопскую линию, усилить крепость и держать татар в Крыму, чрез что они сами себя принуждены будут разорить, усилить Кинбурнскую крепость и, умножа тамошнее войско, не перепускать турок на сю сторону. Что касается нового сильного нападения на Крым в августе и сентябре, то это зависит от снабжения армии достаточным провиантом, ибо в разоренном Крыму получить уже более ничего нельзя, также от движения турецкого, и, если будет возможность, ничего не упущу для исполнения воли вашего величества".

Эта воля не была исполнена; 24 июля Миних с генералами - принцем гессен-гомбургским, Измайловым, Леси, князем Репниным и Аракчеевым - имел военный совет, на котором решено: так как провианта при здешней армии имеется только дней на десять или с нуждою на две педели с прибавкою в пищу мяса; так как от здешнего худого воздуха и от соленой воды, особенно же при настоящих жарах, в людях болезни умножаются и здоровые в слабость приходят; так как лошади беспрестанно падают и живые, вместо того чтоб поправляться, ежедневно в худшее состояние приходят, и нельзя-надеяться, чтоб армия, оставаясь здесь, пришла в лучшее состояние, то необходимо здешнее место оставить, идти к Днепру, где лучший воздух, добрая вода и ближнее получение провианта. Так как для входа в Крым регулярному войску с артиллериею и обозами другого пути нет, как чрез перекопскую линию, а, напротив того, татары могут

всегда перебираться, минуя эту линию, чрез Гнилое море и так как в крепости Перекопской регулярному гарнизону за недостатком хорошего воздуха и воды и за несвободным сообщением быть трудно, то Перекопскую крепость и каланчи до подошвы разорить и подорвать, а пушки и амуницию с собою взять.

Миних двинулся с армиею к Днепру, складывая вину отступления на Леси, который долго не присылал ни войска, ни провианта. Но Леси писал: "Я как прибыл под Азов, то начал изыскивать всякие способы отправить провиант водою и сухим путем, но галеры не могут пройти в море, да хотя бы и прошли, то негде им пристать в Крыму; сухим путем нельзя было послать за неимением лошадей, телег и до взятия Азова людей; я много раз писал об этом в Кабинет и к самому фельдмаршалу Миниху писал, чтоб не надеялся на присылку от меня провианта. Что же касается распоряжения его, чтоб я по взятии Азова шел к нему с полками, то по выступлении из Азова турецкого гарнизона, 4 июня, отправил я к нему генерал-лейтенанта графа Дукласа чрез Изюм с двумя драгунскими полками. С 27 июня по второе число августа, 35 дней, дал я солдатам отдохнуть, а между тем приготавливал их к походу; они же разрывали около города шанцы и апроши и исправляли другие нужнейшие работы; 2 августа, выбравши лучших и здоровых пехоты пять тысяч человек да 300 конных и снабдив их на два месяца провиантом, отправил к Перекопи чрез степь, как вдруг получаю от фельдмаршала Миниха уведомление, что он отошел от Перекопи, и я должен был идти для соединения с ним к Изюму". Миних разместил полки на зимние квартиры, но при этом велел им быть в готовности к походу, так чтоб могли выступить в 24 часа по получении приказа. Фельдмаршал осень и зиму занимался укреплением важнейших мест на Украине. Запорожская Сечь и два ретраншементы при Самаре приведены были в оборонительное положение, так что без формальной атаки неприятель не мог им ничего сделать; запорожские козаки письменно обязались зимовать в Сечи в количестве от 2 до 3 тысяч человек; Васильков обведен был ретраншементом. В Киеве крепостные работы производились ежедневно, и в декабре оставались неукрепленными только некоторые отдаленные монастыри. Миних очень ценил здоровое, выгодное положение Киева, поэтому хотел сосредоточить при нем корпус в 20000 и больше, построить магазины и несколько казарм. Татары иногда прорывались чрез линию, и хотя им не позволяли больших разбоев, но, естественно, рождался у некоторых вопрос: к чему же служил поход фельдмаршала Миниха в Крым - поход, в котором была потеряна, как считали, почти половина армии, и все по нераспорядительности главнокомандующего, потому что от неприятельского оружия погибло не более 2000 человек? Миниха упрекали, зачем он выступил в поход в самое неудобное время года? Зачем повел войско на авось, в одном предположении, что оно может кормиться на счет неприятеля? Кроме того, Миниха упрекали в жестокости относительно солдат: вместо того чтоб идти ночью или выступать за несколько часов до рассвета, в прохладное время, войско выступало в поход несколько часов спустя по восходе солнца, что страшно развило

болезни. Усталость и жара так изнуряли солдат, что некоторые падали мертвыми на ходу. Наконец, к большому несчастью, между генералами господствовало несогласие. Принц гессен-гомбургский, которого упрекали в лени и нерадении, скучал тягостями похода и позволял себе дурно отзываться о главнокомандующем не только пред офицерами, но даже пред солдатами; оказывая сожаление к ним, он внушал, что виноват во всем фельдмаршал, который, без сомнения, хочет поморить их всех от голода и усталости. Эти внушения усиливали неудовольствие войска, которое начинало роптать при малейшей усталости. Принц привлек на свою сторону некоторых генералов, и между прочими Магнуса Бирона, и под Бакчисараем предложил им воспротивиться приказаниям фельдмаршала, если тот предпримет дальнейшее движение, и, если Миних будет упорствовать в своем решении, арестовать его и передать команду старшему по нем, т. е. ему, принцу. Генералы не согласились на это предложение, и принц должен был удовольствоваться тем, что написал обер-камергеру Бирону жалобу на Миниха, а Бирон переслал ее в оригинале Миниху, и легко понять, какие после того установились отношения между Минихом и принцем.

Выход армии из Крыма с огромными потерями, ссора между генералами, дурные вести из Персии, медленность Австрии в исполнении своих обещаний - все это сильно тревожило императрицу. Ее тревожное состояние всего лучше видно из следующего письма к Остерману: "Андрей Иванович, из посланных вчерашних к вам рапортов и челобитной, из письма, которое он пишет к обер-камергеру, довольно усмотришь, какое несогласие в нашем генералитете имеется; чрез это не можно иначе быть, как великой вред в наших интересах при таких нынешних великих конъюнктурах. Я вам объявляю, что война турецкая и сила их меня николи не покорит, только такие копдувиты, как ныне главные командиры имеют, мне уже много печали делают, потому надобно и впредь того же ждать, как бездушно и нерезонабельно они поступают, что весь свет может знать. От меня они награждены не только великими рангами и богатством, и вперед им я своею милостью обнадежила, только все не так, их поступки несходны с моею милостью. Того ради принуждена буду другие меры взять и через сие вам объявляю: 1) Нам одним Турецкое государство вовсе разорить или сгубить невозможно будет, и нынешнего году довольно это показало наше войско, как люди и лошади пропали, хотя на будущий год она (армия) и будет комплектована, только это все люди молодые будут. 2) По всем видимостям, Персия мир с ними (турками) хочет делать. 3) Видеть по всем их (австрийцев) делам, что они своим обнадеживанием нас довольствовать хотят... по ведомостям, они свое войско по винтерквартирам распускают. 4) Теперь надобно рассудить, и требую вашего совету: 1) Что при таком несогласии нашего генералитету делать и как им знать дать о их поступках, которые не только касаются до наших интересов, но и до чести нашей. 2) Пруцкой трактат был великой вред и бесчестье нашему государству, который в ту пору от нужды был делан, и ежели такой способ найдется, чтоб этот трактат уничтожен был, также

старые наши границы присовокупить - не лучше ли войну прекратить, только как в том деле зачинать, то мы на ваше искусство и верность надеемся; вы можете обнадежены быть, что я вас и фамилию вашу николи в своей милости не оставлю, и желаем вам скорого здоровья, и пребываю в милости".

Не знаем, к кому относится выражение императрицы: "Из письма, которое *он* пишет к обер-камергеру". Кто это он? Принц гомбургский или Миних, потому что и Миних написал к обер-камергеру сильное письмо по следующему случаю. Фельдмаршалу Леси по возвращении из азовского похода дано было приказание собрать точные сведения о состоянии Миниховой армии. Миниха это взорвало, и 9 октября он написал императрице: "Принимая в соображение, какие неусыпные старания и труды без упущения времени требуются от командующего армиею, дабы высочайший интерес вашего величества утрачен не был, я принужден всенижайше донести, что слабость здоровья моего вседневно умножается и отнимает надежду исправлять надлежащим образом вверенное мне дело. Поэтому всеподданнейше прошу ваше императорское величество поручить команду над армиею фельдмаршалу фон Леси, а меня от оной уволить, ибо я не в состоянии нахожусь тех трудов, которые донныне со всевозможною ревностью нес, более продолжать". Анна отвечала 22 октября: "Господин генерал-фельдмаршал. В сих днях получили мы вашу челобитную, в которой вы об отпуске своем из службы нашей просите. Мы не можем вам утаить, что сей ваш поступок весьма нам оскорбителен и толь наипаче к великому нашему удивлению служить имеет, понеже не надеемся, что в каком другом государстве слыхано было, чтоб главный командир, которому главная команда всей армии поручена, во время самой войны и когда наивысшая служба от него ожидается, к государю своему так поступить похотел, особливо еще без всякой законной и праведной причины и еще с употреблением таких чувственных толкований, как вы в письме своем к нашему обер-камергеру употребляете. Подлинно, что мы, по нашей к вам всегдашней милости и положенной на вас совершенной конфиденции, никогда того от вас ожидать не имели. Мы же и ныне еще уповаем, что вы сие свое намерение не токмо вовсе оставите, но такожде верным и усердным продолжением службы вашей и нам повод и причину к неотменному продолжению нашей к вам милости подадите, якож вы в таком случае на оную и о том обнадежены быть можете, что мы во всем такие учреждения учиним, что ни вам и никому в службе нашей какая обида учинена была, что мы вам во всемилостивейшую резолюцию объявить запотребно рассудили, но которой неотменное исполнение ожидая, пребываем к вам нашею императорскою милостью благосклонны - Анна".

Миних отвечал 9 ноября длинным письмом: "Ожидая, что вашего величества соизволение (что ни Миних и никто другой не потерпят обиды) непременно исполнено будет, всенижайше благодарствую, что оным всемилостивейшим писанием пожаловать мне, нижайшему, в нынешних

печальных обращениях ободрение придать соизволили, и, как никто вашего величества высочайшему соизволению противиться не может, так и я оное при всяком случае за законное приемлю и за великое и за совершенное счастье причитаю такой великой, богоизбранной и беспримерной монархине, как ваше императорское величество, всеподданнейше служить. Так как во время войны благополучие государств зависит отчасти от армии, то командующему генералу от всех пристрастий честолюбия и своего прибытка совершенно свободно быть должно, и как самому о себе, так и о происходящих событиях неленостное рассуждение иметь, может ли он такую важную должность настоящим образом исполнить; в противном случае лучше от такой команды удалиться, нежели рисковать славой своей государыни и государственным интересом. Достопамятнейшая победа, которую греки получили над персами, приписывается благоразумному воздержанию генерала Аристидес, который товарищу своему Милциадию команду уступил, чрез то Греция от сильного неприятеля освободилась; таким образом, успех армии зависит от нераздельной команды. Граф Монтекукули во время французской войны 1674 года признал за лучшее удалиться от команды, чем ее делить с курфирстом бранденбургским, который начальствовал над остальным немецким войском. В наше время, во время шведской войны, граф Шуленбург команду уступил графу Флемингу и получил от короля Августа увольнение от службы. В последних итальянских войнах граф Кенигсегг уступил команду над цесарским войском графу Валлису. Ваше императорское величество потому всемилостивейше рассудите, что всенижайшим требованием увольнения от службы я не имел ничего более в виду, кроме одного охранения вашего величества славы и интереса, что мне никогда в сем, так и в будущем веке в предосуждение быть не может, я лучше хотел оставить тридцатилетнюю тяжкую службу и уступить славную команду своему товарищу, нежели хотя малым чем вашего величества высочайшую славу и интерес уронить, от которого своего принципа никогда не отстану, ибо от него зависит счастливое ведение начатой ныне войны. Командующему над армиею генералу надобно быть, во-1), сильным и здоровым; 2) от вашего величества всемилостивейшую конфиденцию и при армии достаточный кредит иметь; 3) надобно ему быть свободну от всяких неприятностей, ибо и без того команда лежит на нем тяжелым бременем. Что касается моего здоровья, то известно, что в прошлом году в Полтаве я был болен горячкою; в апреле месяце этого года по возвращении из-под Азова заболел сильною лихорадкою и, едва получил облегчение, выступил с охотою в крымский поход, где отнялся у меня левый бок, так что почти во всю кампанию меня принуждены были снимать с лошади; по окончании похода в таком находился бессилии, что не без труда мог на ногах стоять, и, хотя попечением присланного по всемилостивейшему вашего величества ко мне милосердию доктора мне теперь получше, только боюсь, чтоб почти не упасть мне в бессилие.

При армии вашего величества команда в таком разделении имеется, что генералитет и офицеры в несоединенном на меня уповании состоят, так что во многих требующих быстроты случаях намерения мои не могут быть приведены в исполнение: притом некоторыми из Кабинета вашего величества указами приведен я был в немалое сомнение, что вашего величества высокая ко мне конфиденция пред прежним умалилась. Особенно было мне прискорбно, что указы приходили в такое время, когда я, не оставляя армии ни одного часа, из Крыма, из Бакчисарая, куда никогда никакой неприятель не проникал, вывел ее обратно с немалою викториєю и взятою у неприятеля артиллериєю и пленными. И так как разделенная команда к успешному действию никогда вести не может, а я никому никогда не завидовал, то и просил без всякого сомнения поручить главную команду товарищу моему, генерал-фельдмаршалу Леси, одному".

А Леси писал 8 октября: "Понеже я с начала отбытия моего в Польшу уже четвертый год в домишке моем не бывал и бедной фамилии моей не только не видал, но за отдалением и мало писем получал, паче же дети мои одни без всякой науки, а другие без призрения находятся, того ради ваше императорское величество приемлю дерзновение утруждать, чтоб нынешнее зимнее время соизволили от команды меня уволить в Ригу". Но вместо увольнения в отпуск фельдмаршал получает выговор за несоблюдение предписанной тайны, тогда как тайны, по его убеждению, ему не предписывалось; он отвечал: "В присланном ко мне от 24 октября указе между прочим написано, что велено мне о прямом состоянии армии под рукою проведать и верные о том репорты прислать, учинить то под рукою, что, разумеется, тайно, а ныне с немалым ее величеством неудовольствием известна, что о вышеписанном указе при армии ведомо, и не можно понять, от меня ль самого о сем указе разглашено или из моей канцелярии пронесено, но, как бы то ни было, оное ее императорскому величеству весьма чувственно. Но в том от 14 сентября указе именно изображено: по прибытии моем к армии мне о состоянии оной как в людях, так и во всем прочем ее величеству особливый свой верный репорт прислать и для того б мне путь свой туда с наискорейшим поспешением предвосприять, а чтоб, о том разведав, под рукою репортовать, того в указе не написано, и затем, чтоб к тайности весьма было склонно, дознаться не мог, и за распушением той армии на квартиры о состоянии полков видеть и обстоятельно и верно доносить было невозможно, и для того, опасаясь ее величества за неисполнение высокого гневу, принужден был о том генерал-фельдмаршалу графу фон Миниху объявить".

Несмотря на эти неблагоприятные условия для ведения успешной войны, императрица, как мы видели, надеялась прекратить ее выгодным миром, т. е. уничтожением Прутского договора. Эту надежду поселили в ней донесения резидента Вешнякова.

В начале 1736 года все еще хотели дать вид, что Россия, вынужденная враждебными действиями татар, ведет войну против них одних; с Портою

разрыва не было, и Вешняков оставался в Константинополе, откуда 1 января он прислал такое описание состояния Турции: султан сам дел не знает и очень недалек; его умом и волею владеет кизляр-ага; все думают, что надобно оставить дела в этом положении, пока все рухнет вследствие или внешнего несчастья, или внутреннего волнения. Визирь - человек тупой, чуждый всякого знания света, все делает его кегай, а этот следует советам Бонневалея и французского посла: первый советует заблаговременно вооружаться, но не враждебно относиться к России и ласкать ее посланника; второй же требует сильного наступательного действия и недавно подал Порте на турецком языке сочинение, в котором рассматривается вопрос: французская ли или русская теперь возрастающая сила более вредна европейскому равновесию? Выводится, что туркам всего опаснее Россия, которая хочет овладеть Азовом и Крымом взамен уступленных Персии провинций, точно так как прутские несчастья были вознаграждены приобретениями по Ништадтскому миру, и, таким образом, Турции предстоит участь Швеции. Но, как видно, Бонневалеи внушения действительнее. После кегаи влиятелен рейс-эффенди, а муфтий - человек старый и малоумный. Крымцы, представляя свою опасность со стороны России, требуют немедленной помощи, в противном случае грозятся или бежать, или отыскать защитника надежнее. И Порта вооружается, но без всякого шума и озлобления в народе против России, ибо говорят, что татары сами вызвали русские нападения. "Дерзновенно и истинно донесу. - пишет Вешняков, - что в Турции нет ни начальников политических, ни руководителей военных, ни разумных правителей финансовых; все находится в страшном расстройстве и при малейшем бедствии будет находиться на краю бездны. Страх пред турками держится на одном предании, ибо теперь турки совершенно другие, чем были прежде: сколько прежде они были воодушевлены духом славы и свирепства, столько теперь малодушны и боязливы, все как будто предчувствуют конец своей незаконной власти, и да сподобит всевышний ваше величество ее искоренить. Попечения об общем благе в Турции нет, заботятся только о частных выгодах; достойные и искусные люди изгублены и погибают, остались только одни недостойные, вследствие чего добрый порядок пренебрежен как в политическом, так в военном и экономическом правлении, и, оставив прежние свои основные правила, новых не приобрели и потому ослабели. Татары, зная все это, теперь, как здесь все говорят, в верности к Порте начинают колебаться. Насчет христианских подданных турки опасаются, что все восстанут, как только русские войска приблизятся к границам. Здешние константинопольские греки большею частью бездельники, ни веры, ни закона, ни чести не имеющие, их главный интерес - деньги, и ненавидят нас больше самих турок, но греки областные и еще более болгары, волохи, молдаване и другие так сильно заботятся об избавлении своем от турецкого тиранства и так сильно преданы России, что при первом случае жизни не пожалеют для вашего императорского величества как уповаемой избавительницы. Все это турки знают".

Турки действительно трусили, и рейс-эффенди в марте говорил секретарю русского посольства, что Порта усердно желает мира и дружбы с императрицею, только не понимает, для чего делаются такие большие приготовления при русских границах, что заставляет и Турцию готовиться с своей стороны; от ссор никакое государство пользы не получает, и потому лучше все недоразумения дружески окончить. Рейс-эффенди поручил секретарю просить Вешнякова приложить всевозможное старание к примирению и этим прославить начало своего министерства. Но Вешняков поставлял свою славу в другом и писал императрице: "Теперь самое полезное время не только к сломлению зверской гордости, по и к окончательному ниспровержению всего этого беззаконного сонмища. Хотя я малая и недостойная жертва, но для славы вашего величества и спокойствия отечества готов истину представленного мною запечатлеть моею кровью, лишь бы всевышний сподобил начать дело. Ничто не препятствует, все страхом поражены, ваше величество законно владеет сердцами всех добрых христиан, находящихся под игом издыхающего варварства". В начале апреля в Константинополе стало известно об осаде Азова и движении русских войск к Очакову. Правители, трепеща пред народом, который им приписывал разрыв, беспрестанно съезжались на совещания, а в народе разглашали, что виновником всему хан с своими татарами, раздраживший Россию вопреки султановым указам, что Азов - место ничтожное, а между тем охранять его очень трудно Порте. Делались приготовления для обороны ближайших областей, но главная надежда полагалась на то, что Франция, Англия, Голландия и Швеция, кто дипломатическим заступничеством, кто интригами и действительною помощью, до окончательного разрушения Турцию не допустят, ибо интерес их требует не допускать Турцию до разрушения, а Россию - до великих завоеваний. При Порте начали ласкать министров всех названных держав, льстить и цесарскому резиденту. Последний советовал Порте поступать как можно тише в делах и не притеснять русского резидента: то же советовал и Бонневаль, представляя, что дурное обращение с Вешняковым будет неприятно всем христианским государствам.

В июне визирь с войском выступил из Константинополя, велевши ехать за собою и Вешнякову, а между тем послов цесарского, голландского и английского просил о посредничестве для восстановления мира между Россиею и Турциею. "В правительстве и народе сильный страх, - писал Вешняков, - с ужасом начинают произносить русское имя, и до сих пор не только я, но и последний из моих слуг бранного слова не слышали. Еще удивительнее, что когда я ходил по Пере, то многие турки на улице место уступали, чего прежде никогда не бывало. В начале мая выдан был султанский указ под смертною казнию не делать никакой обиды франкам, никого в брань не называть русским, тем менее обижать самих русских. И с христианскими подданными своими турки обходятся очень ласково. Так как Турция находится в крайней слабости, то от вашего величества зависит повелеть войскам своим идти прямо на Константинополь: как скоро они вступят в Буджак, то тамошние татары покорятся: Молдавия и Валахия

поднимутся непременно; по переходе через Дунай и овладении магазинами встанет и остальное народонаселение, отягченное и разоренное до такой степени, что домов своих отступается; христиане поднимутся во всей Греции; останется напугать Константинополь и заставить бежать султана; для этого достаточно несколько морских судов подвести к каналу и высадить тысяч двадцать войска; самое способное для этого время - будущие осень и зима". Вешнякова привезли в Адрианополь, откуда он писал: "Хотя я совершенно свободен, однако для избежания дерзостей от черни словом или делом веду себя очень тихо, никуда не выхожу, даже в церковь, чтоб не оклеветали христиан". Из Адрианополя Вешнякова перевезли в Бабаду (в Болгарии), а 22 октября он получил письмо от переводчика Порты, что отпускается с честью и безопасностью до русских границ.

Русский резидент выехал из Турции; русский резидент, находившийся в Персии, Калушкин присылает печальные известия: турецкая сторона брала верх, потому что в Персии все, от мала до велика, жаждали мира; притом турецкий посланник щедро одаривал влиятельных людей, тогда как с русской стороны никто не слышал ни малейшего обещания подарка. Калушкин дал знать, что 5 февраля Тахмас-Кулы-хан избран всем народом в шахи, причем старый шах Тахмасиб и сын его Аббас были совершенно отстранены от престола и получили только название мирзы; новый шах получил имя Надира. Вслед за этим Калушкин доносил, что его шахово величество ударился в непорядочные забавы: всякий день поутру веселится с музыкой у жен своих и подпивает, а после обеда созывает всех знатных к себе, и напиваются так, что их без памяти вон выносят, и всему войску дал волю пить, от чего ежедневно происходят большие беспорядки. В июне Калушкин получил из Петербурга указ передать Надиру, что Россия объявила войну Порте, осадила Азов и теперь для Персии самое благоприятное время действовать против турок, которые должны обратить все свои усилия против России и потому персидскому войску противиться не могут. Надир велел отвечать на это Калушкину, что хотя он теперь оружием против Порты не действует, однако турками мутит и их миром проводит и обманывает и без России никак мириться не намерен; теперь же ему необходимо идти в поход на бунтовщиков-бахтиарцев. Странно, заметил на это Калушкин, что шах своими усильными домогательствами поднял Россию против турок, а теперь ее оставляет одну, от России удаляется и пристает к новым друзьям, туркам, которые ищут только гибели персам; здравому смыслу противно - оставя главное дело, от которого зависит все благополучие государства, схватиться за самое ничтожное, именно идти наказывать бахтиарцев. Шахово величество говорит, что он обманывает турок, но изо всего видно, что турки преодолели его коварством. Когда приближенный к Шаху мирза Махти передал эти слова Надиру, тот велел отвечать: "Осада русскими Азова, взятие трех крепостей турецких, отправление войска в Крым и на Кубань - все это дело ничтожное; Персии в Азове никакой нужды нет, точно так как России в Багдаде. Шах требует от русского двора ответа, согласен ли он

вместе направить поход в Царьград, причем императрица должна сама подняться в этот поход или по крайней мере послать верховного министра. Нечего войною спешить, не постановя между собою твердого соглашения; надобно прежде обдумать, чтоб войну начать и кончить с честью, а не так, как теперь с русской стороны делают, и такими поступками мы от мира отдалимся, а к войне не пристанем. Шах не хочет мириться с Портою, пока не получит ответа от русского двора, а между тем он к миру и к войне готов, как того Россия пожелает".

Донося об этих разговорах, Калушкин писал, что персидские вельможи становятся к нему день ото дня холоднее, видя с русской стороны беспрестанные побуждения шаху к продолжению войны турецкой, тогда как в Персии все желают мира с Портою. И нельзя было не желать мира, потому что, по донесениям резидента, Персия находилась в опасном положении: азербайджанцы взбунтовались; афганцы приготовили большое войско, чтоб не пускать Надира в Кандагар; Грузия отложились, и соединенные владельцы ее поразили персидское войско недалеко от Тифлиса; дагестанцы начали разбойничать, а шаху набрать войска негде за скудостью в людях и за крайним разорением, всего Войска у него пятидесяти тысяч не наберется, поэтому до сих пор и бахтиарцев покорить не может. Бедность была страшная: мать бывшего при русском дворе посла Ахмет-хана нанялась в работницы в доме Калушкина; из дома Хулефы, находившегося теперь послом в Петербурге, беспрестанно приходили к Калушкину просить денег, потому что жены его умирали с голоду. Отсюда падкость вельмож ко взяткам, чем пользовались турки и не щадили подарков. В таких обстоятельствах Надир решился тянуть переговоры с Россиею и потребовал, чтоб императрица прислала к нему министра в Кандагар, к границам индийским, а зачем - неизвестно. Видя такие поступки Надира, Калушкин прислал в Петербург просить возвести на престол старого шаха, воспользовавшись удалением Надира в Кандагар.

У другого европейского союзника, цесаря, Ланчинский в начале года с трудом мог выхлопотать согласие на немедленное возвращение вспомогательного русского войска из Богемии, ибо оно надобилось самой императрице вследствие нерасположения турок к миру. Фельдмаршал Леси в марте приехал из своей квартиры в Нейгаузе на короткое время в Вену и был принят там с большим отличием: цесарь подарил ему свой портрет, осыпанный бриллиантами, и пять тысяч червонных в бархатном красном мешке с золотыми шнурками. Окончив войну на западе, Австрия немедленно должна была начать другую, с турками, вследствие союза с Россиею. Австрийские министры толковали, что обиженная сторона, то есть Россия, естественно, должна объявить, какого требует удовлетворения от турок, и для получения этого удовлетворения употребляются добрые услуги. Ланчинский отвечал, что время для добрых услуг уже прошло и от них теперь нельзя ожидать никакой пользы; Порта еще может бояться союза между обоими императорскими дворами, но как скоро Австрия вместо объявления войны предложит добрые услуги, то этот страх

исчезнет; предложенное отовсюду посредничество только мешает России получить удовлетворение от Порты. Ланчинский в сентябре доносил своему двору, что сам цесарь, генералитет и гражданские правители очень желают войны с турками, но некоторые генералы представляют, что ее можно начать разве только весной 1737 года, потому что полки, шедшие из Италии в Венгрию, утомлены; в них много больных, провиант в магазинах не в достаточном количестве, на фураж надеяться нельзя, потому что в турецких областях везде места гористые; прежде всего надобно добыть город Виддин, который турки недавно сильно укрепили, а в цесарской пехоте особенно много больных, наконец, артиллерийских лошадей мало, надобно привести их из Германии. В ноябре Ланчинский представил канцлеру графу Синцендорфу, что между турками и персиянами заключен договор, следовательно, теперь с цесарской стороны необходимо принять серьезные решения, не упуская времени; что нельзя более откладывать формального объявления войны Порте, что зима слывет длиною, а проходит скоро. Синцендорф отвечал, что должен быть прислан в Вену русский генерал для сочинения точного операционного плана, чтоб бремя войны падало одинаково на обе державы, турки ближе к австрийским землям, чем к русским, и потому могут надеяться скорее оторвать что-нибудь от первых, чем от последних. Ланчинский возражал, что, по последним известиям из Константинополя, турки намерены обратить всю тяжесть войны на Россию, а не на Австрию. Синцендорф представлял, что в письме военного президента графа Кенигсегга к визирю объявление войны довольно явно. Ланчинский возражал, что он письмо читал и действительно в нем о войне упоминается, но гораздо более высказывается желание мира, условиями которого письмо и оканчивается. Синцендорф кончил разговор тем, что прежде всего надобно начертать основательный план военных действий с обеих сторон.

Для составления плана военных действий Миних в конце 1736 года отправился в Петербург. 23 января 1737 года он выехал оттуда и с дороги благодарил императрицу: "За все милостивейшее отправление с высочайшею милостью и с полною на все его представления резолюциею и за пожалование украинскими покойного графа Вейсбаха и прочими деревнями, за которые неизреченные высокие милости долженствует он со всею фамилиею вечно бога молить и рабские службы оказывать до последней капли крови". В Глухове Миних свиделся с Леси, отдал ему составленный в Петербурге план кампании и держал с ним конференцию насчет общих действий. 40000 рекрутов пополнили армию; в Брянске усиленно работали над судами, которые должны были спуститься вниз по Днепру и действовать на Черном море. Надобно было спешить распоряжениями, потому что 12 февраля, на Масленице, неприятель переправился чрез Днепр выше Переволочны, причем истреблен был на льду реки русский отряд, состоявший с небольшим из 100 человек, но при нем находился генерал Лесли; генерал был убит, сын его взят в плен; в тот же день татары напали на подполковника Свечина; тот отбивался пять часов, до самой ночи, и отбил, причем взял в плен мурзу с тремя

татарами и освободил из плена 150 малороссиян. Но 16 числа неприятель переправился обратно за Днепр, потому что полили дожди и надобно было опасаться скорого вскрытия рек. Несмотря на то, Миних был очень смущен этим событием и писал в Петербург: "Бесчисленные примеры в истории военного искусства показывают, что еще не сыскано никакой возможности границы, растянутые от двух до трехсот миль, как от Киева и от Днепра до Азова и Дона, охранить так, чтоб легкий неприятель в какое-нибудь место не прорвался, потому что если везде войско иметь, то на таком протяжении надобно его сильно раздробить". Миних жаловался также на запорожцев, которые дали знать о приближении неприятеля только 11 февраля.

После этого неприятель не появлялся более в русских пределах и дал Миниху время приготовиться к походу; целью похода был Очаков. В конце апреля войско выступило в поход в числе от 60 до 70000 человек; между именами генералов находилось давнее знакомое имя - Александра Ивановича Румянцева. В 1735 году он был освобожден из ссылки, восстановлен в прежнем чине генерал-лейтенанта, получил опять Александровскую ленту, сделан астраханским, а потом казанским губернатором и назначен командующим войсками, отправленными против взбунтовавшихся башкирцев; теперь, когда бунт стих, Румянцева назначили правителем Малороссии, но скоро потом перевели в действующую армию.

Степи войско прошло беспрепятственно; только недалеко от Очакова татары выжгли степь, отчего русская армия должна была оканчивать поход в пыли и пепле. 30 июня она приблизилась к Очакову, и в военном совете было положено сделать нападение на крепость как можно скорее, чтоб гарнизон, и без того уже сильный, не дождался новой помощи от турок. В ту же ночь начаты были осадные работы, которым мешали краткость ночи и лунный свет. На другой день, 1 июля, в 6 часов утра началась сильная перестрелка, и к вечеру неприятель принужден был отступить за палисадник, а русские приступили к крепости под ружейный выстрел; урон с обеих сторон считали равным, взятых в плен не было, "ибо наше войско, а особливо козаки никому пощады не чинили". Днем турки тушили производимые русскою артиллериею пожары в городе, но в ночи произошел почти в самой середине города сильный пожар, и на рассвете 2 числа большая часть города находилась в пламени. Фельдмаршал хотел воспользоваться этим и на рассвете же приказал палить беспрестанно из мортир и пушек, сколько они снести могли, и велел подойти к городу половине армии с барабанным боем и распущенными знаменами и всеми полковыми пушками, чтоб испугать неприятеля генеральным штурмом и отвлечь от тушения огня. Это средство удалось, пожар тушили плохо, и чрез несколько часов два пороховые магазина взлетели на воздух. Между тем русское войско с правого крыла под начальством генерала Румянцева и Бирона, а с левого - Кейта и Левендаля приступило к городу так близко, что фельдмаршал принужден был подкрепить его остальным войском, которое повел сам с обнаженною шпагою в сопровождении герцога Антона

Ульриха брауншвейгского. Но русские под самым гласисом задержаны были широким и столь глубоким рвом, что спустившиеся в него солдаты не могли друг другу помочь вылезти, и русское войско очутилось в 15 или 20 шагах от палисадника без всякого прикрытия под беспрестанным неприятельским огнем. Несмотря на то, "акция" в такую сильную горячность пришла, что с обеих сторон все гранаты и патроны из сум выстрелены были, так что, пока патронные ящики были привезены к осаждающим из лагеря, турки бросали лопатками, кирками, топорами, камнями и землю, а русские отбрасывали им эти вещи обратно. Русские во время этой "акции" подались несколько назад. Так представляется дело в донесении Миниха; другие известия не противоречат донесению, но чрез прибавку некоторых черт выставляют дело резче. По одному из них войска, находясь два часа под огнем, двинулись наконец назад в значительном беспорядке; в то же время несколько сот турок сделали вылазку и убили много отступавших русских, преимущественно раненых, не могших скоро идти; если бы сераскир сделал вылазку с целым гарнизоном, то нанес бы русскому войску решительное поражение и заставил бы его не только снять осаду, но и оставить турецкие владения. Фельдмаршал был в отчаянии, думая, что все погибло. Другое известие прибавляет, что у Миниха выпала из рук шпага, и он, ломая руки, закричал: "Все пропало!" Но страшный пожар, все более и более распространявшийся в городе, поправил дело осаждающих: он нагнал на турок такой страх, что несколько тысяч конницы и пехоты бросились из города к морю, но русские, ободрившись, наступили на них с артиллериею, побили и потопили людей и лошадей. Тогда осажденные в 10 часу пополудни убрали с валу все знамена, на одном бастионе выставили знамя и прислали фельдмаршалу янычарского офицера с просьбою прекратить неприятельские действия на 24 часа; Миних обещал исполнить просьбу, если турки отдадут одни ворота русскому караулу и пришлют аманатов, но в это самое время пришло известие, что русские гусары и козаки уже ворвались в крепость с морской стороны тем проходом, которым сераскир с пашами хотел бежать к галерам и который в смятении оставался открытым. Таким образом, Очаков был взят приступом, и сераскир опять прислал к фельдмаршалу, сдаваясь на всю его волю, прося только о пощаде жизни. Турки объявили, что в этот день, от рассвета до десятого часа, погибло более 10000 человек обою пола как от русского огня, так от пожарного и взрыву магазинов. Победителям досталось в плен 4650 человек; русские потеряли убитыми 8 штаб-офицеров, 39 обер-офицеров, 975 нижних чинов; ранены были 5 генералов, два бригадира, 27 штаб-офицеров, 55 обер-офицеров и 2752 человека нижних чинов. "Очаковская крепость, - писал Миних, - будучи сильна сама собою и окрестностями, имея многочисленный гарнизон, 86 медных пушек и 7 мортир, снабженная провиантом и военными запасами с излишеством, имея также свободное сообщение с моря, где находилось 18 галер и немалое число прочих судов с пушками, ожидая на помощь из Бендер 30000 войска, а в августе самого визиря с 200000, могла бы обороняться три или четыре месяца долее, чем Азов, и, однако, взята на

третий день. Богу единому слава! Я считаю Очаков наиважнейшим местом, какое Россия когда-либо завоевать могла и которое водою защищать можно: Очаков пересекает всякое сухопутное сообщение между турками и татарами, крымскими и буджакскими, и притом держит в узде диких запорожцев; из Очакова можно в два дня добрым ветром в Дунай, а в три или четыре в Константинополь поспеть, а из Азова нельзя. Поэтому слава и интерес ее величества требуют не медлить ни часу, чтоб такое важное место утвердить за собою, и так как огнем, кроме крепости, все разорено, то не должно жалеть денег на построение казарм, цейхгаузов, церкви, гошпиталей, магазинов, лавок и прочего, надобно прислать из Адмиралтейства великое множество архитекторов, плотников, каменщиков, также материалов; о бревнах и досках я уже писал к командиру в Малороссии князю Борятинскому и киевскому губернатору Сукину; я армиюю сколько возможно стану работать, но Кабинету следует чрезвычайную помощь подать рабочими людьми и деньгами. Сегодня давал один из пленных турок, не из самых важных, 20000 рублей выкупу за себя, и надеюсь, что миллион рублей от всех пленных получить можно. В Брянске суда надобно достраивать и послать туда искусного и прилежного флагмана и мастеров; взять в службу старых морских офицеров из греков, которым Черное море известно; на порогах при низкой осенней воде большие каменья подорвать, чему я велю сделать пробу. От состояния флотилии и от указа ее величества только будет зависеть, и я в будущем году пойду прямо в устье Днестра, Дуная и далее в Константинополь".

Относительно укрепления Очакова не было отказа: в Малороссию к князю Борятинскому отправлены были указы о посылке в Очаков плотников, каменщиков, всякого рода работников и материалов, и, кого и чего в Украине не достанет, брать из ближайших губерний: отправлены были указы в Киев и Брянск о сыске по Днепру и Десне готовых бревен и досок и немедленной сплавке их к Очакову. Миних представил к получению двухмесячного жалованья всех офицеров и рядовых за то, что они "поступали против неприятеля, как верным рабам императорского величества надлежит, зело храбро, не щадя живота своего". Но в Петербурге определено было выдать жалованье только за месяц и только тем, которые действительно были при атаке; генералитет и штаб-офицеры обнадежены особенными наградами. Миних писал: "При благодарственном молебствии за взятие Очакова Архангельского драгунского полка священник Афанасий Клянцев чинил проповедь, но моему разумению, видится, изрядную и вашему величеству угодную, и человек суть (sic) доброго состояния и достойный высочайшей милости". Фельдмаршал переслал в Петербург и проповедь, о которой может дать понятие следующее место: "О, Александре великий и всебессмертний славы прежняго века монархе! аще бы были дние живота вашего в нынешнее время, довольно было бы со удивлением очесам и уму вашему, видивше таковые российскаго воинства операции, их же к похвалению вся историческия писания изреки не возмогут, за счастием всемилостивейшей

государыни нашей, трудами же и верностию, что суть нынешняго века империи Российской воинства, ибо неусыпными трудами и денным и ночным попечением Петра Перваго, который в жизни сей кто и каков был, сей и ныне богомужественным действием жив российский Самсоп, каковый дабы мог явиться, никто в мире не надеялся, но явившемуся весь мир удивлялся: застал он в России свою силу слабую и соделал по имени своему каменную, адамантовую; застал воинство в дому вредное, в поле некрепкое, от супостат ругаемое, а ввел. отечеству полезное, врагом страшное, всюду грозное; такожде неслыханное от века дело совершивше, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, власть же российскую, прежде на земле зыблющуюся, ныне и на море крепкою, состоятельною сотвори". В начале проповеди оратор называет Иоанна Богослова "самой небесной монархии министром и секретарем тайн божиих".

Приведши в оборонительное состояние Очаков, "неприятельскую в ноги занозу", как выражался Миних, он 5 июля двинулся к Бугу и пошел вверх по этой реке в ожидании турецкого войска. 21 числа в удобном месте, при устье речки Чичаклеи, армия начала переправляться на другую сторону Буга по недостатку конских кормов от степных пожаров и, приблизившись к Лиману, остановилась в 40 верстах от Очакова. По Днестру, как писал Миних, нельзя было предпринять никаких дальнейших действий по отсутствию судов и мостов; в продолжение двух месяцев было не более трех дождей, отчего вода в Буге и Лимане позеленела и стала вредною для больных; так как степные пожары продолжались, то фельдмаршал принужден был 24 июля отпустить запорожцев к Кизикермену; 1 августа - гвардию с пленными и генерала Румянцева с некоторыми драгунскими и ландмилицкими полками по прежней дороге, которою войско подошло к Очакову; 17 августа - донских козаков прямо к Самаре: наконец, видя в кормах крайний недостаток, 22 августа отпустил и генерала Бирона с остальными драгунскими полками и частью украинских козаков; при фельдмаршале на Лимане осталось 27 пехотных полков с гусарами и остальными козаками. В конце августа Миних отправился водою в Очаков и Кинбурн для осмотра этих крепостей и для совету с морскими офицерами, находившимися на прибывших сверху судах: но контр-адмирал Дмитриев-Мамонов, несмотря на строгие предписания фельдмаршала, не приехал в Очаков; вообще морских служителей Миних нашел очень мало, особенно офицеров; старший из них, капитан Брант, был болен, а другие офицеры на требование Миниха, чтоб были готовы на своих судах к морскому походу, отвечали, что на их флоте в море показаться никак нельзя, суда годны только на Днепре да на Лимане. "И понеже, - писал Миних, - по моему рассуждению, благополучное произведение будущей кампании и все авантажи зависят от того, кто на море сильнее быть может, того ради всеподданнейше прошу указать о строении довольного числа годного флота, а понеже ныне уже время позднее, а расстояние от границ немалое, того ради я и с достальным войском следую к границам, куда прибыть надеюсь поздно".

Миних на 1737 год довольствовался взятием Очакова, выставляя при всяком удобном случае чрезвычайную важность этого приобретения, но вот пошли слухи, что Очаков взят вопреки всем принятым военным правилам, и эти слухи пустил австрийский полковник фон Беренклау, находившийся при Минихе во время взятия Очакова. Беренклау писал, что Очаков был атакован против военных обычаев, не устроивши надлежащих батарей, не дождавшись всей осадной артиллерии, только с четырьмя мортирами и шестью пушками. На это обвинение Миних отвечал, что военный совет решил брать крепость немедленно приступом, без формальных атак, потому что около Очакова весь фураж было потравлен и пожжен, так что русскую армию можно было держать под Очаковым не более осьми дней. Миних прибавил при этом: "Если решение военного совета было неизвестно Беренклау, то это можно считать опытом умения сохранить тайну; что же касается артиллерии, то выходит, что Беренклау ее не видал, ибо действовали 15 пушек, 8 мортир и 4 гаубицы". Потом Беренклау упрекал Миниха в том, что русское войско во время штурма стояло без всякого прикрытия и в солдат стреляли, как в собак, насмерть. Миних возражал: "Когда русское войско, пользуясь пожаром, приступило к крепости и стояло без всякого прикрытия, то тут полковника Беренклау было не видно. В настоящее время по воинским правилам войско во время штурма или сражения в прикрытии никогда не бывает, так и наше войско в означенное время стояло без прикрытия и беспрестанно стреляло, отчего неприятельский гарнизон, кроме пленных, был весь побит и вокруг крепости мертвые тела людские и конские сплошь лежали в кучах непроходимых. При этом генеральном штурме, как иначе быть не может, с нашей стороны около тысячи человек побито, и приличнее сказать, что они пали как храбрые люди и прямые солдаты, а не, как собаки, были перестреляны; турецкий же гарнизон, стоявший за стеною и палисадами, потерял от 18 до 19 тысяч побитыми". Беренклау писал к своим, что очаковским штурмом русская армия разорена вконец, так что в ней не более 40000 человек здоровых, урон нынешнего года превышает урон прошлого; большая часть драгун пеши, а у конных лошади очень плохи, притом на дороге к Очакову пало до 14000 лошадей и пар волов. Миних возражал: "По подлинным репортам от полковых командиров, при штурме побито 1022 человека, ранено 2841, и из раненых большая часть вылечились и службу исправляют, а во время похода к Очакову. в людях и лошадях почти никакой потери не было". По донесению Беренклау, в бытность под Очаковым пали многие тысячи лошадей и волов, потому что от 7 до 17 июля не было фуражировано, хотя фуражировать было можно. Миних возражал: "Это известие основательно в том смысле, что служители Беренклау опоздали, не вышли вместе с фуражирами и донесли ему, что фуражировать запрещено. Фуражировали до 5 июля, когда армия за неимением фуража отошла от Очакова. От этого недостатка фуража и чрез мерных жаров пало лошадей 1720 да волов 685 пар, но их в армии было с излишеством, и от неприятеля гораздо более получено в добычу, чем сколько потеряно". Беренклау писал, что по взятии Очакова армия

приведена была в такое бессилие, что не могла предпринять ничего более, и если б турки на нее напали, то не встретили бы сопротивления. Миних на это мог отвечать одно, что армия отведена от Очакова с викторией, в добром состоянии. Беренклау объявлял, что на русское войско напал великий страх и оно быстро удалялось от Очакова, рассылая козаков далеко в степь, чтоб выжигать ее и тем затруднять преследование турок. Эту "бесстрашную и бесстыдную ложь" Миних опровергнул указанием на медленность движения, особенно сравнительно с походом к Очакову. Русский двор жаловался австрийскому на Беренклау, который позволил себе так клеветать на Миниха. Беренклау не появлялся более в русском лагере, но у фельдмаршала был адъютант, известный Манштейн, который в своих мемуарах делает ему не менее сильные упреки, как и Беренклау. "Надобно было иметь счастье Миниха, чтоб выйти с успехом из этого дела, - говорит Манштейн, - потому что после ошибок, сделанных фельдмаршалом, он заслуживал быть разбитым и принужденным снять осаду. Он начал нападение, не разузнавши сначала, каким образом город был укреплен, даже не зная его положения: он велел приступить к стороне, наиболее укрепленной, не имея необходимых вещей для перехода через ров, о существовании которого не имели понятия, пока не подошли к нему, тогда как было бы гораздо легче овладеть городом со стороны моря, где он защищался простою стеною, и то во многих местах поврежденною".

В начале октября Миних съехался в Полтаве с вице-адмиралом Сенявиным, который был назначен командиром очаковской флотилии с обязанностию поступать во всем по наставлениям фельдмаршала. Миних уговорился с Сенявиным, какие суда строить в Брянске и как спускать их к морю, причем положил Сенявину в Очаков не ехать, а быть в Брянске для надзора за постройкою судов. Фельдмаршал писал императрице: "На вице-адмирала крепкую надежду иметь. можно, что он порученное ему дело исправит, от приготовления же нового надежного флота зависит возможность принудить турок к миру, потому что я тогда могу за неприятельским флотом всюду следовать и брать турецкие корабли, как крепости". Так как положено было устроить верфь несколько повыше Запорожской Сечи, то Миних писал по этому случаю: "Поступками запорожских козаков я очень доволен, все мои предписания они исполняют, жалованием и провиантом удовлетворены, кроме того, получили большую добычу в нынешнюю и прошлогоднюю кампании и потому очень довольны, присылали ко мне депутатов с благодарностию. Хотя они люди дикие, но своевольных теперь между ними немного, и нельзя думать, чтоб они могли затеять что-нибудь противное; строение верфи не может их раздражить, потому что она выше их Сечи и не в близком расстоянии, однако за поступками их я прилежно наблюдаю". Но в то время как Миних уговаривался в Полтаве с командиром очаковской флотилии, Очаков должен был выдержать осаду от турок. Комендантом Очакова был генерал-майор Штоффельн; гарнизон вначале состоял из 8000 человек, но болезни уменьшили его до 5000, когда в октябре месяце под стенами крепости появилось 20000 турок и столько же татар. Несмотря на несколько отчаянных приступов, гарнизон отбил,

и турки побежали от Очакова, потерявши под его стенами больше 20000 человек как от оружия осажденных, так и от болезней, происходивших от позднего времени года и от непрерывных дождей. Гарнизон потерял с лишком две тысячи.

Обратимся к действиям другого фельдмаршала. 3 мая Леси выступил из Азова с двадцатипяти тысячным корпусом, в котором почти поровну было регулярных и нерегулярных войск. Армия должна была переправляться через реки Миус, Калмиус, Калчук. Берды, Молочные Воды, 7 июля перешла Гнилое море и направилась к Карасу-Базару: села и деревни по рекам Салгиру и Индаки были разорены и выжжены. 12 июля за 29 верст от Карасу-Базара Леси встретил татарское войско под предводительством самого хана, разбил и гнал его 15 верст до самых гор, которые скрыли бегущих. После этого регулярное войско отдыхало на реке Карасу, а нерегулярное рассеялось во все стороны разорять и жечь: в этом деле особенно отличились калмыки, которые в один день привели в лагерь тысячу человек пленных и много другой добычи. 14 июля русское войско снова поразило неприятеля перед Карасу-Базаром и выжгло этот город; потом, идя к Сангару, опустошило все на 15 или 20 верст; неприятельские нападения не причиняли большого урону, но сильно тяготили жары, недостаток воды и конских кормов, так что по решению военного совета 24 июля фельдмаршал направился к Молочным Водам, а оттуда к Волчьим и Самарским вершинам. Уведомляя императрицу о своем походе, Леси оканчивал так: "А чтоб больше в Крыму быть и для разорения перекопской линии иттить, оного за вышеписанными препятствия ни по которым мерам без великого армии разорения миновать было нельзя, а ныне она, кроме одного лошадиного упадка, при всяком благополучии состоит".

Теперь посмотрим, как действовали союзники-австрийцы. Мы видели, что граф Кенигсегг отправил визирю письмо, в котором высказывалось желание мира. Такой тон письма всего более должен был способствовать к тому, что ответ был прислан неудовлетворительный, и в Вене увидели необходимость войны против турок. Начались конференции, в которых кроме министров и генералитета участвовали президент камеры и директор банка, ибо дело шло о средствах к войне. По указу цесаря придумывались всевозможные способы, как бы достать денег внутри государства; цесарь сказал: "Где бы ни взять и во что бы ни стало, хочу царице сдержать слово, потому что она честно исполняет свои обещания". В начале мая вся цесарская армия должна была собраться на турецких границах. Наступил май, пришло известие, что Миних перешел Днепр, и Ланчинский начал ездить по министрам с "докучными и пространными представлениями", что пришло время цесарскому войску вступать в Турцию. Министры отвечали: "Хотя русская армия через Днепр и перешла, однако цесарское войско в то же время в неприятельскую землю вступит, если не раньше; весна холодная, и русская армия не найдет за Днепром довольно фуражу. Не беспокойтесь, все будет исправно: мы должны действовать, потому что, так сильно истратившись, мы будем требовать себе от турок

вознаграждения, а без военных действий получить его нельзя". Несмотря на то, от 7 мая Ланчинский писал, что медленность австрийцев его сокрушает; из Петербурга присылали ему приказания торопить министров и объявить им, что русская императрица никак не согласится на остановку военных действий, к мирным договорам может быть приступлено только с оружием в руках, к Миниху отправлены новые указы, чтоб отнюдь не останавливался вследствие делаемых турками предложений. "И у нас решено, - отвечали министры, - чтоб не допускать до перемирия, не надобно давать неприятелю времени собирать силу, а мы с своей стороны делаем все, чтоб как можно скорее начать военные действия; кавалерия за неимением травы в полях везла с собою сено". Генерал Секендорф откровенно признался, что дело не за ним, а за деньгами: нужно три миллиона гульденов, а налицо только один. Наконец генералы отправились из Вены к армии, которая начала двигаться к границам; прошел май, июнь; в начале июля в Вене с нетерпением ждали от фельдмаршала Секендорфа известия о вступлении его в неприятельскую землю, "а между тем, - писал Ланчинский, - усматривается здесь опасение насчет продолжения войны: и на нынешнюю кампанию денег с трудом сыскали; поэтому нетерпеливо ожидается известие о начатии конгресса, мира алчно желают". Наконец пришло известие, что в самом начале июля Секендорф перешел турецкую границу со стороны Ниссы и начал успешно неприятельские действия. Скоро пришло известие о сдаче Ниссы, но зато в Боснии дела шли неудачно, так что известие о взятии Очакова Минихом не могло ослабить грустного впечатления от известий из Боснии.

Между тем еще в марте месяце отправлены были в Немиров на конгресс с турецкими уполномоченными действительный тайный советник и сенатор барон Шафиров, обер-егермейстер Волынский и тайный советник Неплюев, бывший резидентом в Константинополе; им дано было на содержание и другие расходы 20000 рублей, три тысячи золотых червонных да мягкой рухляди на 4000 рублей; с цесарской стороны уполномоченными на конгрессе были назначены граф Остейн, посланник в Петербурге, и барон Тальман, посланник в Константинополе. Русские уполномоченные получили от своего двора инструкцию смотреть на цесаря не как на посредника, но как на действительного союзника России и содоговаривающуюся сторону и потому не позволять австрийским уполномоченным таких поступков, которые бы давали им вид посредников. Шафиров, Волынский и Неплюев должны были ехать сначала в Киев и самим от себя туркам не отзывать, первого шага не делать, а предоставить графу Остейну, потому что конгресс собирается по настоянию австрийского двора. Так как граф Остейн без сомнения будет сноситься с находящимся при визире бароном Тальманом, то при всякой посылке от Остейна к Тальману русские уполномоченные должны под видом провожания или под каким-нибудь другим предлогом посылать надежного человека не только для надлежащего присматривания под рукою поступков обоих цесарских министров, но и для провеживания о всех турецких движениях, равно как постоянно отыскивать всякие способы

и пути для добывания надежных ведомостей, которые сообщать как в Петербург, так и фельдмаршалу Миниху. Морские державы Англия и Голландия предлагают свою медиацию, но нам принять ее трудно, потому что морские державы для торговли и других связей своих с турками всегда имеют причину щадить Порту; вот почему с здешней стороны убегали от принятия этой медиации, стараясь всегда отыскать непосредственный путь к сношениям с Турциею. Так, если английский и голландский послы по призыву визиря явятся на конгресс, то полномочные министры должны с ними обходиться дружески, только от принятия их медиации учтивым образом отходить, отговариваясь неимением указа.

11 июля уполномоченные приехали в Немиров. Они могли надеяться, что весть о взятии Очакова Минихом сделает турецких уполномоченных сговорчивее, но ошиблись: турки объявили секретарю австрийских уполномоченных, что успехи русских вовсе не так велики, как разглашается, что русская армия при взятии Очакова потерпела такой урон, что не в состоянии более ничего предпринять, и потому у них, турок, будет довольно времени поправить свои дела. Цесарские министры с своей стороны объявили русским уполномоченным, что находящийся при армии Миниха австрийский полковник Беренклау дает знать то же самое и упрекает фельдмаршала, что город взят без всякого порядка, отчего и потеряно так много людей. Граф Остейн сообщал все это с великим сожалением и оговорками, чтоб русские уполномоченные не оскорблялись его словами, что он принужден объявить об этом как министр союзного государя, и просил, чтоб уполномоченные не ссорили его и полковника Беренклау с графом Минихом. Потом Остейн начал жаловаться, что турки, безопасные теперь с русской стороны, обратят все свои силы против Австрии, которая одна должна будет взять на свои плечи всю тяжесть войны, и от настоящих переговоров с турками нельзя ожидать успеха, потому что турки будут держать себя высоко, как уже и теперь видно из их поступков. В Вене Кенигсегг жаловался Ланчинскому на беспрестанные злоупотребления, особенно на болезни, свирепствовавшие в цесарской армии от нездорового воздуха: хотя больные и не умирают, но не могут служить службы; заболевают и генералы; скот падает неслыханным образом. Шафиров, Волынский и Неплюев находились в очень неприятном положении, не зная, кому и чему верить, тем более что не получали от Миниха ни одной строки, тогда как сами писали к нему уже пять раз; они не знали ничего верного об успехах русского оружия, а в инструкции им было сказано, чтоб они соразмеряли свои требования именно с этими успехами. До сих пор благодаря лету уполномоченные стояли в палатках около Немирова, но если конгресс протянется и наступит осень, то оставаться в палатках будет нельзя, а в городе жить негде, ибо Немиров представлял самое бедное местечко. Боялись и разбойников (гайдамаков), которые собирались большими шайками и уже разорили несколько окрестных деревень; кроме гайдамаков могли напасть и татары. Цесарские министры требовали от русских, чтоб те писали к своему двору о перемене места конгресса, и предлагали Львов, но русские не соглашались по

отдаленности Львова от русских границ и от русского войска и предпочитали город Полонный.

Между тем надобно было начать переговоры. Остейн убедил русских уполномоченных оказать учтивость турецким, сделать им первый визит, как прежде приехавшим. Этот визит был сделан 29 июля, и цесарские послы были у турок накануне. 30 числа турки отдали визит австрийским уполномоченным и 31 - русским. Остейн для первой конференции приготовил речь на латинском языке, и когда сообщил ее русским уполномоченным, то они сделали в ней поправки, потому что он хотел показаться главою конгресса и обратить речь не только к туркам, но и к русским. В это время пришло известие о смене великого визиря, на место которого назначен бендерский сераскир Мусук-Оглу-паша. Это известие произвело неприятное впечатление в Немирове, потому что Неплюев знал нового визиря как человека отважного, и потому можно было предполагать, что он нападет на армию Миниха.

В начале августа приехал в Немиров курьер от Миниха: фельдмаршал давал знать, что он переходит с армиею на сю сторону Буга и будет медленно двигаться в надежде встретить турецкую армию, с которою хочет разделаться оружием: курьер рассказывал, что армия потеряла под Очаковом немного более двух тысяч убитыми да около трех тысяч было ранено, а лошадей и волов потеряно около сорока тысяч, потому что татары всю степь выжгли. В то же время получено было известие о взятии австрийцами города Ниссы; Остейн придавал важное значение этому успеху, говорил, что взятие этого одного города выгоднее двух выигранных сражений, потому что у турок теперь нет более прикрытия, австрийская армия может идти беспрепятственно вплоть до Константинополя. 5 августа начались конференции. Русские уполномоченные объявили, что так как в прежних ссорах и в настоящей войне виновны татарские народы, то, пока эти народы будут существовать между обеими империями, мир между ними невозможен, и потому земли татарские: Кубань, Крым и прочие, до реки Дуная лежащие, должны остаться со всеми жителями и крепостями во владении Российской империи. Ее императорское величество желает этого не для прибыли какой-нибудь, но для вечного покоя, ибо и Порта от этих диких народов никакой выгоды не получала. С тою же целию, т. е. для сохранения мира, императрица требует, чтоб Валашское и Молдавское княжества получили независимость под особыми владельцами, только по единоверию будут они пользоваться покровительством России. Эти требования были представлены под тем условием, чтоб и союзник императрицы, цесарь, был удовлетворен в своих требованиях, потому что одна сторона без другой мира не заключит. Турецкие уполномоченные отвечали, что такие требования со стороны России несоразмерны с успехами ее войск; что Турция вовсе не находится в таком состоянии, чтоб должна была принять такие тяжкие условия; надобно припомнить, что Порта, находясь во время прутской кампании и в более выгодном положении, чем теперь Россия,

удовольствовались, однако, одним городом Азовом. Русские уполномоченные повторяли, что императрица желает одного: именно таких границ, при которых был бы возможен вечный мир; что русские войска еще находятся в походе и от турок зависит порешить с ними дело в свою пользу; что они, русские послы, не говорят, в каком состоянии находится Турция, а о Пруте упоминать не хотят, потому что если говорить подробно о всех тогдашних поступках Порты, то уполномоченным турецким было бы не очень приятно слышать. "Если такой мир будет заключен, - говорили турки, - то не нужно и договора писать: государства друг от друга удалятся так, что и в сношениях не будет нужды; такой мир не мир, но порабощение или плен". По окончании конференции австрийские уполномоченные начали говорить русским, что напрасно они упоминали о Валахии и Молдавии, потому что первая вся, а второй немалая часть уже находятся во владении цесарском, и давали знать, что Австрия имеет в виду требовать Валахии себе. Остейн упоминал о разговорах турецких уполномоченных еще прежде конференции, что Порта рискнет и Константинополем, а Крыма не уступит; Остейн прибавил, что если императрица будет настаивать на уступке Крыма, то не только Немировский конгресс разорвется, но и в десять лет мир не получится, да и другие государи не позволят России овладеть Крымом, как о том послы их в Константинополе явно говорили; Остейн прибавил, что Австрия с своей стороны готова помириться с удержанием того, чем теперь владеет (*uti possidetis*), и думает, что Россия может ограничиться Азовом, Очаковым, Кинбурном, ногайскими и кубанскими землями.

Представления Остейна и еще более известие, что Леси вышел из Крыма, заставили русских уполномоченных умерить свои требования. Следующую конференцию начал рейс-эффенди словами, что условие о границах, предложенное русскими уполномоченными, несносно; как такого великого владетеля, т. е. хана крымского, столько веков государствующего, со многими князьями, мурзами и многочисленным народом искоренить? Русские уполномоченные отвечали, что если уступка Крыма так тягостна для Турции, то Россия удовольствуется, чтоб границею была река Днестр; земли от Азова до Днепра, Кинбурна, Кубани и остров Тамань останутся в русских владениях: перекопскую линию турки должны разорить. Турецкие уполномоченные требовали для ответа сорок дней сроку, потому что на такие важные уступки султан без совета решиться не может.

Во всех этих переговорах участвовали только Шафиров и Неплюев, Волынский был болен: оправившись, он поехал 16 августа к турецким уполномоченным благодарить их за посещение во время болезни, а между тем хотел воспользоваться этим случаем, чтоб войти с турками в ближайшие объяснения. Турецкие уполномоченные сами желали таких объяснений и, выславши лишних людей, начали говорить: "Мы сильно желаем мира с Российской империею, но встретились нечаянно такие затруднения, что сами не знаем, что делать: другие в эту войну примешались и хотят корыстоваться, и мы не знаем, кому из двоих

удовлетворять". "Вы, - отвечал Волынский, - как искусные министры, легко можете рассудить, кого прежде надобно удовольствовать и кто главная воюющая сторона". "Мы бы сыскали средство удовольствовать Россию, - сказали турки, - но римский цесарь нам несносен; пристал он со стороны без причины, для одного своего лакомства, и хочет от нас корыстоваться; Россия - другое дело, ваши условия нам известны, но цесарские министры только затрудняют и проволакивают дело, и мы принуждены послать к султану с донесениями переводчика Порты, а сами оставаться здесь без дела". Волынский отвечал на это, что отсутствие переводчика Порты не беда, его место в сношениях между русскими и турецкими уполномоченными может занять ассессор русского посольства Муртаза Тевкелев, человек, на которого можно вполне положиться. Турки с радостью приняли это предложение, и Тевкелев на другой же день начал сношения с ними. Турецкие уполномоченные прямо объявили ему, что с Россией они могут обо всем договориться без отписки к Порте, но держат их одно объявление - что Россия и Австрия друг без друга удовольствованы быть не могут, и потому без решения вопроса, как будет вести себя Россия относительно цесаря, когда получит полное удовлетворение, они не могут приступить к переговорам об этом удовлетворении. Семнадцатого же августа Шафиров и Волынский отправились к графу Остейну, чтоб сообщить ему вчерашний разговор Волынского с турками и не подать преждевременно повода к подозрению. Как только Остейн услышал, что Волынский был у турок, то сказал со смехом: "Вы у них порядочно-таки высидели; я сам был недалеко и подумал, что уже вы окончательно заключили с ними мир". "Вы действительно были недалеко, гуляли на другой стороне пруда, - отвечал Волынский, - и если бы я был так счастлив, что как приехал, так и мир заключил, то, разумеется, поспешил бы, по близости, пригласить и вас участвовать в этом заключении". Потом Шафиров и Волынский сообщили Остейну по секрету, какие упреки делают турки австрийцам за остановку дела. "В Остейне вдруг произошла перемена: прежняя веселость исчезла, и он начал толковать серьезно о необходимости в этом же году общими военными действиями принудить турок к миру, что если этот год будет пропущен, то в будущем мира не получить: что другие державы не позволят ни России, ни Австрии распространять своих завоеваний за Дунаем; наконец, просил, чтоб из Петербурга присылали в Немиров известия о персидских делах. Шафиров и Волынский отвечали, что Россия до заключения мира не прекратит военных действий; что Австрия должна показать умеренность в своих запросах, чтоб не возбудить подозрительности других держав; что сколько дело ни тянуть, а наконец надобно же изъясниться о своих условиях. Разговор шел дружеский, но Шафиров и Волынский заключили, что Остейн сильно встревожен пересылками между русскими и турецкими уполномоченными.

В августе же Тевкелев отправился к туркам с объявлением, что на вопрос их не будет ответа, потому что вопрос сделан прямо с целью испытать крепость союза между двумя императорскими дворами. Если турецкие

послы имеют полную мочь и прямое намерение удовольствовать Россию, то пусть объявят, примут ли объявленные им на конференции условия, после чего и русские послы изъяснятся, каким образом отнесутся они к своим союзникам. На это рейс-эффенди отвечал, что хотя они и не могут согласиться на все русские требования, однако могут найти средство удовлетворить Россию: что же касается Австрии, то они ни на четверть аршина не уступят ей земли, скорее все турки пропадут и Порта Оттоманская исчезнет. Они желают знать, какой способ сыщут русские послы отстать от своих союзников, а без этого не могут идти далее в переговорах. По возвращении Тевкелева уполномоченные написали в Петербург: "Турки хотят у нас выведать, чтоб потом поссорить с цесарем, как сначала пытались то же самое сделать с австрийцами чрез князя молдавского. Мы принуждены с ними поступать осторожно и дня два Тевкелева к ним не посылали, ибо и так уже цесарские послы немалое подозрение имеют".

Турки действительно хотели тянуть время и между тем разорвать союз между императорскими дворами. Австрийцы объявили наконец свои условия и неумеренностью их изумили и русских и турецких уполномоченных. Последние, разумеется, спешили с своими внушениями, что цесарцы полгода как вступили в войну и требуют вдвое более земель против русских. Шафиров, Волынский и Неплюев заметили Остейну насчет неумеренности австрийских условий и получили грубый ответ. В Петербурге рассердились на Остейна, и Остерман сказал австрийскому резиденту Гогенгольцеру, что если граф Остейн будет продолжать свою злобу против него, Остермана, то он принужден будет пасть к ногам императрицы и просить ее освободить его от сношений с цесарским двором. Между тем предложили срок, постановленный между Австриею и Турциею для окончания конгресса, именно 15 октября нового стиля, и вдруг Остейн объявляет русским уполномоченным, что он по предписанию своего двора должен предложить туркам новые, легчайшие условия мира и назначить новый срок для переговоров, именно последнее число октября. "Цесарь, - говорил Остейн, - хочет показать всему свету, что он мира желает, хочет уменьшением своих требований оправдаться, что не по его Вине мир не состоялся, ибо настоящие требования государя нашего так малы, что не стоят и двадцатой доли употребленных на войну иждивений". Русские министры представляли ему, что объявить новые, легчайшие условия мира, не получив ответа на прежде предложенные условия, - это значит ободрить турок: из уменьшения требований они легко поймут, что цесарю мир нужен. Остейн отвечал, что, имея от двора своего указ, иначе поступить не может: отложить объявление об уменьшении требований нельзя, потому что венский двор дал уже знать об этом другим дворам и Франция склоняет Порту к миру. Новые условия состояли в том, что цесарь отказывался от всех претензий на Молдавию и Валахию, но удерживал крепость Ниссу с остальною частию Сербии, бывшею до мира в турецком владении. Русские уполномоченные с своей стороны объявили, что императрица не требует Тамани, Темрюка и всех земель, лежащих по ту

сторону Кубани, довольствуется Азовом, Очаковым и Кинбурном с пристойными границами. Но в ответ на эти требования турецкие уполномоченные объявили, что они уезжают, не имея права переговаривать на таких основаниях. Турецкие послы выехали из Немирова 10 октября; вслед за ними отправились австрийские, а потом и русские.

Австрийский двор, сильно встревоженный успехами турок и разрывом Немировского конгресса, обратился к Франции за дипломатической помощью. Из России спешили поддержать дух испуганного союзника, и 27 ноября Анна писала цесарю, что она нисколько не намерена удалиться от французского посредничества, но дела, слава богу, еще не в таком состоянии, чтоб нельзя было иметь основательной надежды на приличный мир, если только со стороны императорских дворов будет показана настоящая твердость и цесарь будет поступать с тою ревностью, какою обнадежил союзный двор и с какою поступает Россия. Императрица изъявляла полную готовность во всем условиться с цесарем относительно плана будущей кампании и "обязаться во всем, что только состоятельно и в ее возможности быть может", для чего велела быть в Петербург обоим своим фельдмаршалам.

Оба фельдмаршала были действительно вызваны. В начале 1738 года Миних возвратился в Полтаву очень довольный: жена и дочь его получили богатые подарки, сыну дана значительная сумма денег на отправление к заграничным водам; все было, по-видимому, улажено, как вдруг он получает в конце февраля рескрипт, из которого узнает, что императрица уведомила, будто во время прошедшей кампании при армии возили провиант по большей части мукою; из нее за неимением удобных мест и дров солдаты принуждены были печь хлеб в землянках травой и питались некоторое время почти сырым тестом, а не печеным хлебом, отчего было не без потери в людях; будто при войске возили с собою принятые натурою мундирные и амуничные вещи, в которых во время похода нужды быть не может, отчего происходило затруднение лишними обозами и расход подъемным лошадям. Императрица приказывала изготовить на все войско сухарной толчи и толокна и при выступлении раздать на человека по фунту того и другого, а когда изойдет, то опять раздать, чтоб при них без перевода было по фунту; в местах, неудобных для печения хлеба, раздавать сухарями: а в удобных - печь хлебы, готовить сухари и толчу и с собою излишних тягостей не возить.

Оскорбленный фельдмаршал отвечал, что императрице донесено неосновательно. "Я, - писал Миних, - как поверенный главный командир по моей присяжной должности и ревности к службе особенно заботился о том, чтоб войско, и преимущественно больные, не имело никакой нужды в пропитании, чего в прошлогодние походы и достигнуто. Уже третий год, как я ношу на себе трудную должность комиссариата. Когда в 1736 году, отправляясь для осады Азова, я приехал в крепость св. Анны, то в

тамошних магазинах не нашел ни одного куля муки, хотя там должно было быть 50 тысяч мешков: солдаты помирали с голоду, и мне не с чем было двинуться под Азов. Делать нечего, принял я комиссариатскую должность на себя и разослал офицеров вверх по Дону и Донцу; припасы были собраны, и я получил возможность двинуться к Азову и положить начало осаде. Приехал из-под Азова в Изюм: генерал-провиантмейстера Полибина нет, помощник его сидел под арестом за нерадение: я опять начал хлопотать о сборе провианта, и с князем Никитою Трубецким, и с армейскими офицерами столько его отправлено, что никакого недостатка не было и азовская экспедиция благополучно окончилась. Когда в том же, 1736 году предпринималась крымская экспедиция, то по прибытии моем на генеральное рандеву при Царицынке и в прочих магазинах провианту почти ничего не было, и я опять стал хлопотать, разослал офицеров для покупки в разные места, и столько было получено, что в довольстве до Перекопи дошли, а в Крыму так много всего найдено, что некуда было брать, по дороге бросали и на возвратном пути до днепровских магазинов без нужды дошли. И перед очаковским походом в Персволочне я нашел провианта очень мало, провиантмейстер Рославлев под арестом сидел, но от этого толку не было, я сам с армейскими офицерами трудился над сбором, и дело опять вполне удалось. Что же касается до питания сырым тестом, то после долгих и зрелых рассуждений с генералитетом взято сухарей почти две трети против муки; о толчи же поданы были письменные мнения от генералитета, на основании которых ее не делали. Провиант мукою и сухарями выдавали по требованию от полков, смотря по местным удобствам, где можно или нельзя было дров достать: однако и в дровах не во многих местах была нужда, ибо, где лесу не было, там употреблялся камыш и толстый былник, как везде в Украине и на линии употребляют, кроме того, по моему приказанию для печения хлеба употреблялись все оставшиеся из-под провианта и других тяжестей сломанные телеги и роспуски, а что касается толокна, то его без указу вашего величества не заготовлялось и в здешних местах достать очень трудно. Потеря в людях бывала от того, что временно выдавалась мука для печения хлебов - этого никто доказать не может: ни один генерал, ни один полковой командир, ни один доктор не представил мне эту причину смертности, все показывали одно - что солдаты умирают от жаркого климата и дурной степной воды. Что солдаты пекут себе хлеб в землянках, то и офицеры и генералы то же делают, и солдаты навыкли печь такой хороший хлеб, что я сам в продолжение всей кампании другого хлеба при столе моем не употреблял".

В Петербурге спешили успокоить взволнованного фельдмаршала: императрица писала ему: "Основание сего известия, по которому мы вам о том сообщить запотребно рассудили, в том состоит, что отправленный в прошлом году отсюда полковник Епишков, слыша от солдатства такие разговоры, о том сюда партикулярно писал, и, когда то до Кабинета нашего дошло, обойтись не могли, чтоб вам о том не сообщить, дабы вы, будучи наилучше известны, что в том происходило и колико оно известие

основано или не основано, нам о том потребное изъяснение дать могли, якоже для того оное дело на ваше рассмотрение отдано, и в прочем вам при том ни малейше какое изменение о ваших при поверенной вам нашей армии ревностных во всем диспозициях и известном в службе и по интересам нашим неусыпном радении не показывали, якоже оное нам неотменно по всемилостивейшей благоугодности касается, и мы как доньше, так и впредь на оное во всем в совершенной и бессумненной надежде пребываем, в чем вы весьма покойны и обнадежены быть можете". Над Епишковым нарядили следствие, и за неправильное объявление учинили ему крепкий реприманд.

Получивши от императрицы изъяснение полной доверенности, Миних выступил в поход; 18 мая армия имела генеральное рандеву при реке Омельнике; 23 июня фельдмаршал с генералитетом переправились чрез Буг, но из Очакова и Кинбурна приходили постоянно дурные вести: тамошние гарнизоны таяли от заразительных болезней, которые начали распространяться и вверх по Днепру, появились в Сечи; по украинской линии устроены были карантинны. Буг был перейден беспрепятственно, но на Днестре, к которому армия приблизилась в июле, она была встречена неприятельскими выстрелами. 26 июля было довольно значительное дело с аккерманским султаном, который стоял с татарским и турецким войском по сю сторону Днестра. В первых числах августа за неимением кормов армия должна была двинуться к речке Каменке, причем принуждены были везти с собою воду; скота и лошадей потеряно было много, а между тем неприятель окружал армию. "Здесьние места, - писал Миних, - для воинской операции такой большой армии очень трудны и неспособны, потому что в малых речках, впадающих в Днестр, для всей армии воды не довольно, высокие и каменистые берега мешают приблизиться со скотом для водопоя, а по самому Днестру по причине каменистых берегов еще хуже, нет ни кормов в достаточном количестве, ни удобных дорог, но везде глухие и пустые горы и буераки, а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, и потому нельзя знать подлинно, где достать воды и фуражу и миновать трудные дефилеи. Хотя неприятель сильно и часто нас окружал и нападал, однако в армии в продолжение всей кампании не более 700 человек побито и 250 ранено; напротив того, неприятель всякий день от нас немалый урон терпел и, конечно, был бы разбит, если б перешел на сю сторону Днестра; переход же нашей армии на ту сторону этой реки при нынешнем состоянии припряжки решительно невозможен. Генералитет весь в добром здоровье, а рядовые чрезвычайно бодры, и всякий желает сражения, дабы железо, свинец и порох в честь и славу вашего величества употребить, а везти все это назад с собою будет не без труда. Болезни, особенно в рекрутах, продолжаются, только опасности никакой не видно".

Кампания не удалась. Миних утешал императрицу тем, что в этой неудаче явно видна рука божья, потому что если бы армия перешла Днестр и двинулась к Бендерам, то должна была бы проходить страны, в которых

свирепствовало моровое поветрие, тогда как теперь, чрез отступление, армия сохранена в целости. Но в Петербурге были безутешны, требовали, чтоб армия шла к Хотину или по крайней мере остановилась в ожидании дальнейших распоряжений, и Миних должен был отписываться, настаивая на невозможности продолжения кампании. "Кто решается на дело, успех в котором невозможен, тот не имеет права надеяться на божескую помощь, - писал он 8 сентября, - провианта у армии только до октября месяца; здесь уже началась необыкновенная стужа, трава вянет, и нет надежды продержат лошадей и скот в поле долее 1 октября; люди прошлую зиму покоя не имели и в продолжение всей кампании маршировали беспрестанно, а рекруты к армии приведены, когда уже полки из зимних квартир выступили, и многие померли, другие больны, остальные очень истомлены; в лошадях и скоте немалый урон; мундирные вещи по причине дурного прошлогоднего зимнего пути не все к армии привезены, и с собою ничего, кроме самого нужного, взять было нельзя; таким образом, армия должна немедленно обмундироваться в своих границах. Бомбы мы принуждены были зарыть и потопить, а тяжелые лафеты близ Днестра, где скот воды не имел и немалый упадок был, разбить, чтоб неприятелю не оставить; таким образом, осадная артиллерия в Киеве комплектована быть должна. Драгуны и солдаты бегут, и удержать их от побега можно только надеждою возвращения в отечество и покоя".

Но Миниху давали знать, что союзники, австрийцы, громко жалуются на возвращение его ни с чем из похода, чему приписывают свои неудачи и требуют вспомогательного русского войска для обороны своих земель.

4 октября из Киево-Печерской крепости Миних писал императрице, что вся армия благополучно достигла границы и регулярные полки размещены на зимних квартирах, а нерегулярные распущены по домам. "Глубокою печалью, - прибавляет Миних, - в какую погружен генералитет вместе со мною, что нельзя было исполнить повелений вашего величества, может разогнать только высочайшее обнадеживание вашего величества, что нашими всеподданнейшими при сем деликатном деле поступками довольны быть изволите, чем бы я мог обрадовать генералитет после таких понесенных им в минувшую кампанию трудов. Жалобы австрийского двора на возвращение русской армии, на безуспешность обеих кампаний, вследствие чего будто бы все турецкие силы обратятся против Австрии, эти жалобы неосновательны: обоими нашими походами, и прошлогодним и нынешним, отвлечено было от австрийских границ сильное турецкое войско и все татары, и теперь когда наша армия благополучно возвратилась и в скором времени будет пополнена, то и впредь неприятель будет на нее смотреть и в этой стороне сильное войско держать. Что в воинских действиях против сильного неприятеля не всегда можно положенное в операционных планах исполнить, это цесарцы сами испытали, ибо, имея сильное войско, в две кампании не только Виддина взять не могли, но и свои крепости потеряли. Ваше величество уже согласилось на отправление двадцатитысячного вспомогательного корпуса к австрийцам, и потому мне

остается только исполнить высочайшую волю без рассуждения. Но по присяжной должности и ревности не могу не донести, что войско наше очень истомлено, в людях и лошадях немалая была убыль и зимою надобно иметь крепкую осторожность, войско по границе в готовности держать. В походе чрез Польшу, какие бы ни были взяты предосторожности, нельзя удержать наших драгун и солдат от побегов, не только рекруты, но и старые драгуны и солдаты дезертируют, по их собственным словам, не выдержав нынешних трудных походов, надеясь найти там свой закон и соплеменников и прожить военное время между ними в покое. Опасная болезнь свирепствует в Каменце-Подольском, в Бухаресте, Яссах, в Венгрии почти до самого Дуная, и потому очень опасно такой большой корпус отправить этою дорогою, да и без заразительных болезней в тех местах, чрез которые нашему корпусу надобно будет проходить из Польши в Венгрию, постоянно дурной воздух и нездоровая вода. Пропитание корпуса будет очень затруднительно; пойдет одним трактом - горы и трудные перенравы через реки; самая удобная дорога - к силезским и богемским границам, но это такая даль, что если корпус выступит в поход и зимою, то успеет к цесарскому войску не ранее будущей кампании. Если наш корпус вступит в Польшу, то турки и татары могут вторгнуться в это государство, побить и в плен забрать многие тысячи людей, особенно греческой веры, которые по той границе преимущественно живут, могут все разорить и сжечь, отнять у нашего корпуса средства существования, и он принужден будет начать воинские действия в Польше, что произведет среди недоброжелательных поляков опасные последствия. К такому корпусу надобно заблаговременно назначить добрый и искусный генералитет, но из состоящих при здешней армии генерал Румянцев обязан многими украинскими делами, генерал Кейт до сих пор еще не выздоровел, генерал Бирон просит отпуска, того же хочет и генерал Левендаль, генерал Загряжский под военным судом и неспособен, Бутурлин и князь Репнин исправны и надежны, но здоровьем слабы".

Грустное впечатление от неудачи миниховского похода усиливалось еще тем, что моровая язва принудила оставить Очаков и Кинбурн; гарнизоны при выходе разорили обе крепости. Зараза не исчезала в степи, проникала в Украйну; Миних писал, что употребляет все средства для пресечения сообщений зараженных мест с незараженными, но встречает большие препятствия, потому что обхватить караулами всю границу трудно; притом никак нельзя удержать пограничное народонаселение по его легкомыслию и непостоянству от переходов из одного места в другое, никакие караулы и запрещения под смертною казнию не помогают.

8 ноября Миних получил желанный рескрипт, в котором выражалась *аппробация* поступков его и всего генералитета относительно возвращения армии от Днестра. Фельдмаршал для пополнения армии занимался в это время вызовом в русскую службу валахов; из них устраивался особый корпус, начальство над которым было поручено князю

Константину Кантемиру, "человеку достойному и попечительному", по отзыву Миниха.

Другой фельдмаршал, Леси, был немного счастливее в своем походе 1738 года. Прежде выступления в поход он должен был уладить любопытное дело на Дону. В начале 1738 года Леси получил письмо от двух заслуженных старшин Донского войска - Ефремова и Краснощекова. Ефремов писал премилосердному государю отцу Петру Петровичу, что наказной войсковой атаман Фролов вопреки приказанию фельдмаршала не удовольствовал ни его, ни Краснощекова знатными командами, почему им и в кубанский поход идти было нельзя, а теперь пущая обида: во время кубанского похода сына его, Ефремова, полковник Степан Фролов поносил скверными словами, мало того, отнял у него данные войском знамена и приказал ехать в Черкасск как арестанту. "При сем доношу, - писал Ефремов, - ныне отсюда войсковой наказной атаман с братом Иваном Фроловым, с зятем Федором Поповым и с войсковым дьяком ко двору ее императорского величества просить вечного атаманства отправились, хвалясь, что имеют предстателей и надеются, что один из них будет пожалован атаманом; поэтому покорно прошу милостивейшее предстательство употребить с изъяснением о рабских моих службах, за которые бы я обещанной мне милости не был лишен и пожалован был войсковым атаманом. Теперь старшина Краснощеков в пребезмерной дружбе находится со мною и склонен к тому, что если ее величество меня атаманом пожаловать изволит, то он в обиду себе не поставит, если же из Фроловых кто-нибудь атаманом будет пожалован, то он весьма в обиду себе причтет, о чем к господам кабинетным министрам и в прочие места Краснощеков доносить обещался, и если из двоих братьев Фроловых кто-нибудь пожалован будет войсковым атаманом, то мне и старшине Краснощекову весьма будет обидно". Краснощеков писал: "Если кто из Фроловых тем рангом будет пожалован, то мне будет весьма обидно, а я бы лучше желал, чтоб атаманство по старшинству и заслугам Даниле Ефремову пожаловано было, и не поставлю того себе в обиду, потому что от Фроловых теперь несносные обиды мы претерпеваем; если же они получают себе вечное атаманство, то нам житье от них будет плохое". Леси отправил эти письма к Остерману, прибавив от себя, что, сколько он мог усмотреть, Ефремов пред прочими во всех тамошних происхождениях и распорядках поискуснее и в прошлую кампанию действовал против неприятеля, не щадя себя. Ефремов был сделан атаманом. 26 июня Леси перешел через Сиваш в Крым, 27 приблизился к Перекопской крепости и потребовал у коменданта сдачи, и когда тот отвечал, что определен для охранения крепости, а не для сдачи, то русские начали *посещать* крепость бомбами, как выражается журнал военных действий; от этого посещения 29 числа гарнизон сдался военнопленным. 4 июля появилось у Перекопи неприятельское войско и начало беспокоить русский лагерь. Здесь 6 числа был держан военный совет, на котором положено: так как армия терпит недостаток в воде и конских кормах, а неприятель прежде изнурения нашего войска не намерен вступить в сражение, а далее идти в Крым но

известному в воде и кормах недостатку нельзя, то надобно идти от Перекопи прямейшим трактом к Днепру для подкрепления тамошней армии. На другой день, разорив Перекопскую крепость, армия двинулась в поход; турки и татары, по обыкновению, провожали ее и, наконец, сделали сильное нападение, так что русские сначала замешались, но скоро оправились и так погнали неприятеля, что сам хан едва спасся бегством. Русская армия потеряла 562 человека побитыми, ранено было 483 человека.

Леси чувствовал, что результатами его похода не могли быть довольны в Петербурге, и послал просьбу об увольнении, но получил в ответ, что императрица благодарит его за службу и желает ее продолжения. Леси обрадовался и написал: "Хотя по моей старости и слабости здоровья я и возымел было смелость ваше императорское величество подлейшим моим прошением трудить, но ныне по высочайшему соизволению, за превысочайшую мне явленную не в пример моей недостойнейшей службы высокомонаршескую милость, до дня окончания жизни моей, елико всевышний творец мне да поможет, к высоким же вашим императорского величества службам употребить себя наиревностнейшее желаю".

Мы видели донесение обоих фельдмаршалов о их военных действиях; теперь мы должны обратить внимание на показания постороннего свидетеля о движениях русской армии - показания австрийского капитана Парадиса. Парадис пишет, что русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майоры имеют до 30 телег, кроме заводных лошадей; брат фаворита генерал Бирон рассказывал при Парадисе, что при нем 300 быков и лошадей, 7 ослов, 3 верблюда и что есть такие сержанты в гвардии, у которых было по 16 возов. "Может быть, - пишет Парадис, - что они хотели тем выставить богатство своего народа, но я думаю, что они тем показали слабость свою в войне, ибо такой неслыханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижною. Я не видал, чтоб когда-нибудь армия прежде двух, трех, а часто и четырех часов по восхождении солнца выступала в поход: причиною тому громадность обоза и некоторое застарелое нерадение в русских офицерах: генерал-аншефу нельзя быть везде самому: он может заставить себя бояться, но такой рабский страх принуждает трудиться только в его присутствии; наконец, последний дивизион арьергарда вступает в лагерь очень поздно, часто на рассвете. При беспорядке обоза возы так между собою перепутываются и сцепляются, что армия принуждена иногда по два и по три часа на одном месте стоять, тогда как воздух наполнен криком множества извозчиков, которые в этом поставляют все свое искусство. Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на какой другая армия употребляет четыре часа. Всякая телега хочет обогнать идущую впереди, отчего сцепляются и перепутываются; скот, находящийся в тесноте, без пищи, беспрестанно погоняемый, падает мертвым, а который и придет в лагерь, то такой слабый и измученный, что даже при траве и воде (что, однако, редко случается) не может в несколько дней поправиться. Извозчики так измучены и выбиты из сил, что не могут иметь

надлежащего попечения о скоте; их желудок не переваривает и сухарей с водою; то же можно сказать и о всех солдатах, страдающих постоянным расстройством желудка; при моем отъезде было более 10000 больных, их клали по 4 и по 5 человек на одну небольшую телегу, на которой два человека едва улечься могут; разумеется, их клали друг на друга, телегою управлял человек, едва освободившийся от болезни, похожий более на мертвого, чем на живого. Уход за больными невелик: недостает искусных хирургов; всякий ученик или рудомет, приезжающий сюда, тотчас определяется полковым лекарем".

"Хотя русские имеют больше других народов нужду беречь фураж, однако я не приметил, чтоб они малейшее попечение прилагали о том во время походов, напротив, мнут его телегами и лошадьми и выбивают, и когда из одного лагеря переходят в другой, то кругом лежащие места все вытолочены, и если татары армию окружают и немного стеснят, как они часто делали, то она принуждена кормить скот уже толченою и завялою травою, и скот в 24 часа сделает место чистым, как ток. Если на другой день там же дневать станут, то всякий по своей воле фуражирует где может, и выходят из лагеря без всякого порядка, равно как и приходят, одни вечером, а некоторые на другой день поутру. Правда, козаки беспрестанно разъезжают, как бы для их прикрытия, но так как они похожи на волонтеров или, лучше сказать, на сволочь, то на них нельзя много надеяться, и если бы 13 августа принято было в рассуждение, что по флангам были большие татарские толпы, то у нас тысячи двухсот человек и более двух тысяч скота и лошадей не пропало: татары порубили и угнали их в двухстах шагах от фрунта. Правда, что 400 человек под команду полковника было послано для прикрытия фуражиров, но отряд этот очень плохо стал в лощине, откуда ничего не мог видеть. Татары нечаянно напали на фуражиров, а команду в лощине ничем не тронули; она оказала им взаимную учтивость, отпустила с добычею, за что полковник под арестом ожидает решения своего дела, и генерал Загряжский также несколько дней под арестом был, для чего не сделал лучшего распоряжения".

"В кавалерии у русской армии большой недостаток: донских козаков и калмыков, которых можно назвать храбрыми, немного, едва две тысячи; с семью - или осмьюстами гусар венгерских и сербских нельзя стоять против большого числа татар; правда, есть драгуны, но лошади их так дурны, что драгунов за кавалерию почитать нельзя; оружием своим и багажом они так покрывают и отягощают лошадей, что те едва могут двигаться, и часто случалось видеть, как драгуны, сходя с лошадей, валяли их на землю. Таким образом, необходимо фуражиров прикрывать инфантериею, которая и без того измучена походом да, кроме того, имеет очень плохую пищу; я никогда не видал, чтоб хотя четыре капральства кашу сварили. Всякому известно, что для прикрытия фуражиров надобно пехоты вдвое или втрое больше, чем конницы. Из этого ясно, что пока состояние русской армии не изменится, ей нельзя предпринять долговременную осаду" °°.

Плохой успех кампании 1738 года должен был сильно расположить к миру и в Петербурге, не только в Вене; в Петербурге должны были располагать к миру и неблагоприятные отношения на западе и востоке, движения враждебных России партий в Швеции, Польше, волнения башкирцев. Мы видели, что еще в 1737 году было принято посредничество Франции. Франция без значительных пожертвований, без побед заключила чрезвычайно выгодный мир с Австрией. Мир этот, переговоры о котором, как мы видели, начались в половине 1735 года, заключен был окончательно только осенью 1738 года, лишенный русскими войсками польской короны Станислав Лещинский удерживал королевский титул и получил во владение Лотарингию, которая после его смерти переходила к Франции - приобретение чрезвычайной важности для последней. Герцог лотарингский Франц-Стефан, зять императора Карла VI, взамен своего наследственного владения получал Парму и Пиаченцу и в будущем Тоскану - по смерти последнего ее герцога; Неаполь и Сицилию Карл VI уступил испанскому принцу дону Карлосу. Таким образом, польский вопрос и возгоревшая по его поводу война между Францией и Австрией послужили только к тому, что Франция получила большие выгоды, Австрия - ущерб. Но торжество Франции было далеко не полное: честь ее сильно страдала, ибо она покинула Польшу, поднявшуюся за Станислава вследствие ее обещаний. Восторжествовав над Австрией, отомстивши ей за победы Евгения савойского, одержанные во время войны за испанское наследство, Франция должна была уступить ее могущественной союзнице, испытать неудачу под Данцигом и отдать Польшу в распоряжение России. Эти неудачи заставили Францию еще более хлопотать о том, чтоб сблизиться с Россией, разорвать ее союз с Австрией, особенно в ожидании кончины императора Карла VI, когда возникнет самый важный вопрос - вопрос об австрийском наследстве. И вот благодаря неудачам Австрии в войне турецкой Франции предоставляется возможность достигнуть своей цели. Большим торжеством было для нее то, что Россия, отвергнувшая союз с нею вследствие отношений польских и турецких, не надеявшаяся получить от Франции никакой пользы для себя относительно Турции по разрозненности интересов, теперь обращается к Франции за посредничеством для заключения мира с той же Турцией. Россия сочла выгодным для себя союз австрийский именно в виду действовать соединенными силами против турок; оба императорские двора действительно начали войну с Портою, но Австрия вела ее так, что принудила Россию искать посредничества Франции для прекращения войны. Франция берет на себя посредничество, ибо, во-первых, это ее поднимает, дает ей важное значение; во-вторых, дает ей возможность разорвать союз России с Австрией, заставив Австрию заключить сепаратный мир с Портою; в-третьих, если даже союз императорских дворов и не вдруг разорвется, то Франция все же получит возможность сблизиться с Россией, иметь в Петербурге своего посланника, иметь средство знать внутреннее состояние страны, где существует сильное неудовольствие настоящим правительством, следовательно, можно будет, подавши помощь недовольной стороне, свергнуть это

правительство, если оно будет по-прежнему упорствовать в своем нерасположении к Франции. В Швеции Франция успела приобрести для себя покорное орудие: от нее зависит напустить ее на Россию при первой надобности. Игра в партии удалась в Швеции: отчего же она не может удалась в России, отчего нельзя свергнуть господствующих немцев и не отдать власть в руки русских, которые из благодарности будут на стороне Франции или, что всего вероятнее, перенесут столицу опять в Москву и откажутся от участия в европейских делах, а это также будет чрезвычайно выгодно для Франции.

В мае 1738 года Остерман писал французскому посланнику в Константинополе Вильневу, что императрица согласно с цесарем дает ему полную мочь для заключения прелиминарного трактата с Портою и пользуется этим случаем для засвидетельствования христианнейшему королю, как она ценит посредничество его величества и в какой мере полагается на искусство и благоразумие его, Вильнева. При этом Остерман сообщил французскому посланнику, что императрица, принимая посредничество Франции, не могла отказаться и от принятия посредничества морских держав; следовательно, Порта имеет полную свободу заключить прелиминарные пункты или с одним Вильневым, или соединенно с посланниками морских держав. С русской стороны уполномочен был для заключения мира фельдмаршал Миних, с австрийской - герцог лотарингский, с которыми Вильнев должен был непосредственно сноситься. Условия мира были самые умеренные со стороны России; она требовала одного Азова и разорения укреплений Очакова и Кинбурна. Но турки тянули переговоры и особенно стали пренебрегать ими, получивши обеспечение со стороны персидской.

Мы видели, что шах Надир, воспользовавшись войною между Россиею и Турциею, обратил все свое внимание на Восток, занялся покорением Кандагара, а потом походом в Индию. Целый 1737 год он тянул мирные переговоры с Турциею, выжидая, какой оборот примет война между нею и Россиею, а Калушкину твердили, что шах медлит заключением мира с Портою единственно из дружбы к России.

Со стороны европейского союзника России, цесаря, турки также были обеспечены. В начале года Ланчинский доносил: "Что мне всемилостивейше повелевается, дабы здешний двор к надлежащей союзнической твердости наиприлежнейше поощрять и от заключения сепаратного мира пристойным образом удержать, то я рабскою верностию засвидетельствовать могу, что здесь к такому срамному поступку ни малого оказательства нет, и оный по великодушию цесарскому весьма нечаятелен. но морщатся и говорят, что сию кампанию могут с крайним последним трудом еще отправить и протори на оную хотя с неописанною тягостию собрать, но, как бы им далее поступить, примениться не могут; все камеральные приходы под закладом, и уже более от чужестранных никто займы не даст для того, что ипотеки не находится, провинции же

вконец изнурены, и не диво, понеже в те две последние войны цесарская армия, из казны во всем снабдена будучи, сверх того еще летом и зимою домашними проторми содержится и от неприятельской земли ничего не профитировала: и того ради алчно желают мира". В начале июля австрийцы блестящим образом начали кампанию, поразили турецкое войско, заняли Меадию; в Вену привезли более 30 знамен, взятых у неприятеля, но после этого успеха положено было вести войну только оборонительную, дожидаясь, пока русские подкрепят союзников взятием Бендер или каким-нибудь другим значительным делом. В то же время пришло известие из Константинополя от Вильнева, что турки не уклоняются от заключения мира, если могут получить его на выгодных условиях, но торопиться не имеют причины, потому что цесарь не имеет средств делать завоевания в их земле; что же касается России, то ее войску путь дальний, и Порты имеет средства не допускать его в свои границы. В конце июля австрийские министры запели Ланчинскому печальную песню, что русская армия движется чрезвычайно медленно, что поэтому все турецкие силы обращены против них, что во всем Банате свирепствует язва, в Темешварском гарнизоне умирает по 20 и 30 человек на день, и австрийская армия должна была отступить сначала от скудости фуража в горах, потом должна была выйти и из обильных фуражом мест, чтоб избежать язвы. В половине августа пришло грустное известие, что важная крепость Оршова принуждена была сдаться туркам. "У нас все злославно, - говорил Синцендорф Ланчинскому печальным голосом, - турки с огромною силою вторгнулись в нашу сторону, и подтверждается известие, что ваша армия идет назад от Днестра". Австрийский двор стал требовать присылки русского отряда для подкрепления своего войска; в Петербурге это требование сильно не понравилось, еще больше не понравилось оно Миниху, но делать нечего, надобно было согласиться, ибо несогласием давался Австрии повод к заключению отдельного мира. Согласились на отправление вспомогательного корпуса, но требовали, чтоб он находился на содержании цесарском. В Вене просили, чтоб доброе дело было довершено, чтоб вспомогательный корпус находился на русском иждивении. В конце ноября Ланчинский описывал рассуждение австрийских министров: "Казна цесарская вконец исчерпана; России не придется много платить, потому что в Трансильвании все очень дешево, и полки русские не будут там долго оставаться и должны немедленно вступить в неприятельские земли и действовать, издержки не дойдут и до миллиона гульденов. Если императрица не окажет снисхождения и полки не придут, то Австрия принуждена будет вести только оборонительную войну, и Россия, может быть, сделает то же, только России будет гораздо легче, имея пред собою Днепр и отдаленность турецких владений, и от татар оборониться легко, тогда как австрийские земли прямо граничат с неприятельскими. Конец всему будет такой, что Россия, хотя главная воюющая держава, останется без потери; Австрия же, будучи только совоюющею державою и не будучи в состоянии вести долго и

оборонительную войну, принуждена будет купить мир дорогою ценою, т. е. уступкою Белграда, Темешвара, Трансильвании и части Валахии".

Французский посланник при Порте Вильнев посредничал в Константинополе, но кроме непосредственной пересылки с ним для России важно было иметь своего посланника при версальском дворе, чтоб участвовать в направлении деятельности Вильнева и сообщать в Петербург о расположении французского правительства, о степени добросовестности и искренности его в посредничестве. Князь Антиох Кантемир был переведен из Англии во Францию. В сентябре 1738 года Кантемир приехал в Париж и был принят Амелотом и Флери "весьма ласково и учтиво", преимущественно кардиналом, который с особенною благосклонностию более часу с ним разговаривал. Флери уверял Кантемира в истинной королевской склонности к возобновлению доброго согласия с ее величеством и в усердии, с каким он намерен по возможности своей содействовать этому полезному делу. Кантемир обнадеживал его в сильнейших терминах о подобной со стороны императрицы диспозиции, равно как об особенных ее к нему, кардиналу, эстиме и конфиденции. Флери дал заметить, что французскому правительству не нравится, что морские державы Англия и Голландия также являются посредницами при заключении мира между Россиею и Портою; Кантемир отвечал, что его государыня могла бы совершенно удовольствоваться посредничеством одной Франции, ибо нельзя было бы передать свои интересы в лучшие руки, но что же делать, если морские державы давно уже предложили свое посредничество? Исключить их было нельзя, не подавши повод к неудовольствию. На замечание Кантемира насчет умеренности русских требований Флери сказал, что теперь Порты, после некоторых успехов в Венгрии, не так стала склонна к заключению мира, и только успехи русского оружия на Днестре могут усилить эту склонность. Наконец, Кантемир намекнул на то, что французский посол в Стокгольме Сен-Севери" поддерживает там враждебную к России партию; Флери отвечал, что, по всем известиям из Стокгольма, никаких военных замыслов с той стороны опасаться уже нельзя и С. - Северину сильнейшими королевскими указами запрещено вступаться в домашние дела тамошнего правления. Кантемир в своих первых донесениях замечает, что один только кардинал желает примирения России и Австрии с Портою, остальные или совершенно равнодушны, или более добра желают неверным, чем христианам. В донесении от 8 ноября Кантемир извещал свой двор по удостоверению Амелота о посылке указов к Вильневу, чтоб тот внушал Порте: 1) чтоб никакой надежды не имела на разделение двух союзных дворов - петербургского и венского; 2) чтоб не ждала отмены в предложенных Россиею условиях; 3) что продолжение войны может быть для нас опасно, ибо на будущую кампанию могут присоединиться к России и Австрии новые союзники. Амелот уверял Кантемира, что со стороны королевской употребляются все средства для приведения Порты к *резонабельному* миру, что он сам, Кантемир, не мог бы сильнее действовать в интересах своей государыни, чем как действует Вильнев, но

когда Кантемир потребовал с французской стороны объявления Порте, что Франция наконец будет принуждена вступить за цесаря, то Амелот отвечал, что такое объявление не согласно с обязанностию посредника и что, сверх того, Вильнев должен умерять свои речи при таком дворе, где послов в тюрьму сажают. Амелот изъявлял также сожаление, что русские срыли укрепления Очакова и Кинбурна, ибо это рассердит Порту, которой обещано возвращение означенных городов с крепостями. Россия настаивает на сохранении в целости для себя Азова на том основании, что для татар иначе узды не останется, а теперь турки станут толковать, что после разорения Очакова и Кинбурна им не будет никакой защиты от русских козаков, и Вильневу трудно будет теперь настаивать на сохранении азовских укреплений. Флери говорил то же самое.

На скорый мир была плохая надежда в конце 1738 года; надобно было ускорить его удачными военными действиями.

1 марта 1739 года Волынский, князь Черкасский и графы Остерман и Миних подали императрице мнение о военных операциях будущей кампании: "При составлении плана будущей кампании надобно обратить особенное внимание на требование австрийского двора и на весь ход наших сношений с ним. Дела этого двора находятся теперь в таком слабом состоянии, что он туркам не может оказать надлежащего сопротивления, чем и заключение мира все более и более затрудняется. По известным причинам мы отказали цесарю в присылке вспомогательного корпуса, а предложили вместо того значительную сумму денег, но цесарь денег не принимает, а усиленно просит о немедленной присылке вспомогательных войск, представляя всю опасность своего положения. Если мы исполним просьбу цесаря и отправим к нему войско через Польшу, то в Польше может составиться конфедерация, неприязненные поляки соединятся с нашими неприятелями и тем приведут нас в затруднительное положение; неприятель в Польше все разорит и тем отнимет у нашего войска продовольствие; сомнительно, можно ли будет тогда что-нибудь предпринять против Хотина. С другой стороны, если не помочь цесарю войском, то он может быть сокрушен превосходными турецкими силами и принужден будет заключить отдельный мир и вся неприятельская сила обратится против нас одних. Это бы еще не беда: и при Карловицком мире Россия была оставлена одна, однако потом очень честный и полезный мир получила, но надобно обратить внимание на другие обстоятельства: Франция желает окончания войны для Австрии, с которою находится теперь в дружбе, а не для нас, и если бы цесарь принужден был к отдельному миру, то Франция при продолжении у нас войны с Турциею, вместо того чтоб препятствовать Швеции сблизиться с Портою, будет ей в том помогать и как шведов, так и поляков станет возбуждать против нас по старой злобе за польские дела, для пользы своей союзницы Швеции и чтоб не дать нам возможности вмешиваться в другие европейские дела. Если мы положим на весы все эти соображения *за и против*, то едва ли не перетянут последние, и нам лучше поднять против себя польскую конфедерацию, чем

заставить цесаря заключить отдельный мир. Притом если бы и образовалась в Польше конфедерация, то она будет частная, без одобрения короля и Речи Посполитой. Деньгами мы можем составить себе в Польше хорошую партию; от Швеции на нынешний год опасаться нечего, а турецкая и татарская помощь послужит только полякам к разорению собственных их земель; король польский нам доброжелателен, и у него много средств к успокоению поляков; наконец, поляки, несмотря на великое с нашей стороны к ним снисхождение, беспрепятственно пропускают нашего неприятеля через свои земли, беспрестанно уведомляют его о состоянии нашего войска, снабжают его провиантом и другими потребностями; одним словом, дают туркам возможность продолжать с нами войну; против таких поступков надобно взять надлежащие меры, на что мы имеем полное право. Поэтому мы думаем, что с главною армиею надобно идти прямо через Польшу к Хотину и действовать, смотря по неприятельским движениям: ибо одному корпусу идти чрез Польшу опасно, а сильной армии поляки побоятся и удержатся от конфедерации; с другою армиею, для диверсий, действовать против Крыма и Кубани".

Императрица согласилась с этим мнением, и Миних, очень довольный, отправился в Украину, где в его отсутствие отбиты были от границ татары с большим для них уроном. 21 марта из Нежина Миних писал: "В нынешний мой чрез Украину проезд мог я видеть, что счастливое отбитие татар так ободрило здешний народ, что Орлику трудно будет привести в исполнение свои планы, составленные на нынешнюю кампанию". Миргородский полковник Капнист, бывший свидетелем впадения и отбития татар, уверял, что их непременно тысячи четыре побито и потонуло, в том числе два султана и 30 мурз. Что планы Орлика не могли быть исполнены, доказательством служило то, что запорожский кошевой, не распечатывая, переслал к Миниху грамоту, присланную к нему от Орлика. Претендент на гетманство свободной Украины писал, что он выбран на чин гетманский и в церкви принес присягу стараться всеми силами и способами любезную отчизну, заднепровскую Украину, освободить от мучительного и более нежели пленнического московского подданства, равным образом и все Войско Запорожское присягнуло на том же. "Я, - продолжал Орлик, - стою при своей присяге и всеми силами стараюсь о том при пресветлой Порте и при господине хане, зная обстоятельно, что вся Малороссийская сторона и все Запорожское городское войско пришли от Москвы в крайнее разорение и, не будучи в состоянии сносить более неслыханные обиды, возлагают надежду освобождения только на божескую помощь и на мое старание; не надеются они более на Войско Запорожское Низовое, которое, не жалея несчастной своей матери-отчизны, не трогаясь воплем отцов, матерей, братьев, сестер и сродников, наруша свою присягу, от меня, вольными голосами выбранного своего гетмана, отступило и пришло под протекцию неприязненной Москвы; мало того, Москву к себе в Сечу допустили, что все равно, как бы змею у груди своей пригрели и этим отчизну свою и себя

погубили. Таким нарушением присяги со стороны Войска Запорожского мог бы и я освободиться от своих присяжных обязательств, но не хочу повредить душу и стою при моем прежнем предприятии. Сердечно жалею о скорой гибели славного Войска Запорожского, так что и имени его при Днепре не останется: в прошлом году, когда послы московские, турецкие и немецкие вели переговоры в Немирове, то русские и немецкие послы домогались, чтоб Порта отвела от границ великороссийских и малороссийских Ногайскую орду и поселила где-нибудь подальше, чтоб татары разбойническим образом в русские земли не въезжали и приязнь между двумя монархиями не нарушали. Турецкие послы отвечали, что Порта непременно это сделает с ногайцами, но потребует, чтоб то же самое с русской стороны сделано было с запорожцами. На это русские послы сказали: запорожцы - плуты и воры, ни вам, ни нам не нужны, ни нам, ни вам, ни полякам верно не служили, от них только нарушение мира между соседними государствами, и потому наша государыня прикажет из Сечи, или, лучше сказать, разбойнического гнезда, взять к себе кошевого и некоторых других постоянных козаков, остальных же оставить вам, что хотите с ними, то и делайте: или вырубите, или в плен заберите, чтоб только разбойничье гнездо навеки было искоренено: если же Порта на это не согласится, то императрица наша знает, что с ними сделать. Порта, милосердая над Войском Запорожским, несмотря на то что оно пред нею погрешило, велела меня обнадежить, что она примет Запорожское Войско под свою крепкую охрану, позволит ему всякие промыслы и подтвердит его вольности, если я поручусь, что оно впредь будет верно и не подаст никакого повода к нарушению мира с соседними государствами, и я осмелился принять на себя это поручительство".

Но время Дорошенки прошло для Малороссии безвозвратно; запорожцы очень недавно возвратились из-под турецкого подданства и их нельзя было обмануть фразами о несносных мучительствах московских. Скоро Миних донес в Петербург, что Орлик находится у Порты и у хана в худом кредите и живет в одном монастыре близ Ясс, что запорожцам за их верность выдано денежное и хлебное жалованье, и когда пришло известие, что хан послал от себя возмутительное письмо к запорожцам, то Миних писал: "При нынешнем походе запорожцев на судах с генералом фон Штофелем и сухим путем и при надежной команде в Сечи никакой опасности от них быть не может, и к татарам пристать им не для чего, потому что татары сами голодны, и, кроме того, здесь при мне до 500 человек из лучших запорожцев". Но выдача денежного жалованья не обошлась без неприятных последствий: отправлено было в Сечь 6150 рублей, причем велено четыре тысячи отдать публично всем козакам, а 2150 рублей кошевому и старшине тайно разделить. Так и было сделано, но вот кошевой Тукала репортует фельдмаршалу, что козаки, проведав о получении им и старшиною особой суммы, напали на них нечаянно и жестоко избивали с немалым ругательством и бесчестьем и пограбили не только вновь полученные деньги, но и те, которые у них прежде были. Потом пришел другой репорт, что Тукала лишен должности и, лежав

несколько дней болен, умер и на его место выбран Иван Фоминич. "Хотя таковые их, запорожских козаков, поступки, - писал Миних, - весьма непристойные и воле ее величества противны, однако при нынешних обстоятельствах ничем огорчать их нельзя, тем более что новый атаман человек добрый и к службе ревностный".

28 мая армия перешла чрез польскую границу от стороны Василькова. 3 июня в лагере на речке Каменке Миних получил рескрипт императрицы, в котором она требовала "скорейшего марша и всевозможного поспешения произведением неприятелю чувственных каких действий". Армия спешила к Бугу четырьмя дивизиями разными трактами, причем дивизии не отдалялись одна от другой. К 27 июня армия перебралась за Буг в двух местах, у Константинова и Межибожа. Воспользовавшись тем, что турки стянули свои войска к Хотину, Миних послал козаков захватить и сжечь Сороки и Могилев на Днестре, что и было исполнено; Миних поздравлял с этим успехом императрицу, потому что при разорении означенных мест получена была большая добыча деньгами и прочим и войско было ободрено в начале кампании. 19 июля войска перешли через Днестр в Молдавию; 22 числа, в четверг, сильнейший неприятель напал на русский лагерь перед деревнею Синковцами, но был отбит; у русских было побито 39 человек и 112 ранено, причем, по заявлению главнокомандующего, "люди наши несказанную охоту к бою оказывали". 5 августа армия двинулась от Днестра к Пруту. Не проходило дня, чтоб несколько валахов не вступило в русскую службу, что побудило Миниха разослать манифесты по Валахии для большего привлечения ее жителей. Русские направились к Хотину, но турки не хотели допустить их к этой важной крепости, и сераскир Вели-паша с войском, простиравшимся до 90000 человек, стал крепким лагерем при деревне Ставучанах, на большой хотинской дороге, в полутора милях от крепости. Кроме выгодного положения в гористой местности лагерь был окружен тройным ретраншементом со многими батареями, на которых было поставлено до 60 пушек и мортир; на правой руке неприятель имел непроходимый густой лес и горы, перед собою - маленькую речку с прудами и болотами, слева - глубокие буераки и высокие горы, с тылу - крепость Хотин: лагерь был расположен на таком возвышении, что русские не могли достать до него никакою пушкою. Русская армия уже двое суток была окружена неприятелем; в сене и дровах чувствовался недостаток, неприятель своими нападениями не давал покоя ни днем, ни ночью, а из лагеря Вели-паши была беспрестанная стрельба. Фельдмаршал признал невозможным стоять долее на одном месте и 17 августа решился напасть на неприятельский лагерь: турки не выдержали нападения и бросили лагерь, который достался победителям. Извещая о победе, Миних писал: "Всемогущий господь, который милостию своею нам предводителем был, всевышнейшею своею десницею защитил, что мы чрез неприятельский непрерывный огонь и в такой сильной баталии убитых и раненых менее 100 человек имеем; все рядовые полученной виктории до полуночи радовались и кричали: "Виват великая государыня!" И означенная виктория дает нам надежду к великому сукцессу, понеже армия

совсем в добром состоянии и имеет чрезвычайный кураж". Не успел еще Миних отослать свое донесение, как 19 августа сдался Хотин.

24 августа Миних выступил из Хотина, 28 и 29 армия перешла Прут, направляясь во внутренность Молдавии; армия шла весело, имея обилие в фураже и в съестных припасах; неприятель был поражен страхом, турки бежали за Дунай, татары - за Днестр. 1 сентября русский авангард вступил в Яссы, и молдавская депутация, явившись в лагерь к Миниху, признала русскую императрицу государынею Молдавии; несмотря на страшное разорение страны, молдаване обязались на первый год содержать 20000 русского войска, а по прошествии года верно объявить все государственные доходы; Миниху подарили 12000 червонных и обязались давать на стол по 1500 червонных. "Ваше императорское величество, соизволите всемилостивейше рассудить, - писал Миних, - что мы при выступлении от границ провианта на армию взяли только на три месяца, ибо для возки его с нуждою упряжку собрать могли, потому же и на мясо скота ничего не взяли, теперь же под моим ревностным и счастливым приводом до 10 октября провианта в запасе имеем и еще достать надеемся, припряжки и скота на мясо с излишеством, от неприятеля получили пороху, ядер и свинца более, чем сколько мы чрез всю кампанию издержали, и более двухсот медных пушек и мортир, славную баталию выиграли, крепостями и провинциями овладели, гордого неприятеля усмирили, и потому на великодушную вашего императорского величества материнскую милость бессумненную надежду имею, что не только сим данным добровольно мне от здешних статов *грациалом*, но и, сверх того, высочайшим знаком меня пожаловать соизволите, якоже я в высочайших интересах ничего не упущу и уповаю, что скоро авантажный и славный мир воспоследует. Понеже здешняя Молдавская земля весьма преизрядная и не хуже Лифляндии и люди сей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию с слезною радостью, поэтому весьма потребно ту землю удержать в руках вашего величества; я ее со всех сторон так укреплю, что неприятель никак нас из нее выжить не будет в состоянии; будущею весною можем Бендерами без труда овладеть, выгнать неприятеля из страны между Днестром и Дунаем и занять Валахию".

Распорядившись относительно гарнизона и укрепления Ясс, Миних 10 сентября отправился к армии, взявши с собою молдавские чины, как духовные, так и светские. Армия уже перешла через Прут на буджакскую, или бендерскую, сторону; по прибытии своем к ней Миних 12 сентября отправил торжество покорения Молдавского княжества императрице всероссийской: "Молдавские статьи оказывали немалую радость, видя такую славную христианскую армию, которая, как они говорили, к их избавлению пришла". Обедню в церковном намете служил молдавский митрополит. 13 числа армия выступила в поход, и молдавские чины возвратились в Яссы, обещаясь прислать депутатов в Петербург. Армия

имела в виду "приключить чувственный вред буджакским татарам и прикрыть Яссы".

Но в тот самый день, когда Миних торжествовал покорение Молдавии, он получил "нечаянное и печальное" известие о заключении австрийцами мира с турками, "мира стыдного и весьма предосудительного", по выражению Миниха. "Бог судья римско-цесарскому двору за таковой учиненный к стороне вашего величества нечаянный злой поступок и за стыд, который из того всему христианскому оружию последует, и я о том поныне в такой печали нахожусь, что не могу понять, как тесный союзник таковым образом поступить мог". Несмотря на то, Миних думал о продолжении войны, о новых завоеваниях: "Всепопданнейше прошу во всемилостивейшую консидерацию принять, что с начала этой войны турки и татары ни малейшего над нами авантажа не имели и вперед иметь не будут: не только здешние народы с неизреченною радостью желают покорения под вашу державу, но и сербский патриарх Арсений слезно просит покровительства вашего величества, принося жалобу на слабость цесарскую, что всю их землю под иго варварское отдает".

Но в Петербурге торопились миром. В начале 1739 года Кантемир доносил, что у него была конференция с цесарским послом в Париже князем Лихтенштейном: читали вместе депеши Вильнева и согласно признали, что в них видна излишняя склонность к защите турецких интересов, но заключили конференцию тем, чтоб французским министрам не подавать ни малейшего вида насчет этого и довольствоваться только изъяснением, что императрица никогда не оставит своего союзника и не должно надеяться отдельного мира ни с какой стороны; что укрепления Очакова и Кинбурна велено разорить не по нужде, а для большего показания умеренности со стороны России; что Вильнев не должен ожидать нового плана мирных переговоров, ибо разорение крепостей не может повести ни к какому затруднению, если только Порта имеет прямую склонность к миру; императрица, увидав по опыту, что, чем больше обнаруживает умеренности, тем больше становится гордость неверных, никаких новых предложений делать Порте не намерена. Дипломаты решили ограничиться этим, ибо в противном случае при обнаружении подозрения боялись, что французское министерство перестанет сообщать им депеши Вильнева или по крайней мере станет утаивать все подозрительные места. Остерман заметил на донесении: "Сие апробуется, ибо показанием хотя малейшего сомнения подлинно такие несходства произойти могут". Флери и Амелот продолжали уверять Кантемира в ревности своей к интересам союзных императорских дворов; Флери просил его удостоверить императрицу, что никогда она не найдет ни одного его слова лукавым или ложным. В апреле Кантемир доносил, что медленность в отправке указов Вильневу при обстоятельствах, в которых утрата времени чрезвычайно вредна, подает новую причину полагать, что о скорейшем заключении мира здесь немного заботятся, хотя на словах повседневно о противном удостоверяют. "Я и цесарские министры прилагаем всевозможное старание проникнуть в виды

кардинала, но до сих пор в этом удачи иметь не можем. В таких сомнительных обстоятельствах я по крайней возможности умеряю свои слова, чтоб не подать никакого повода к неудовольствию, а если случай потребует сильнейших представлений, буду употреблять цесарских министров". Так, посол не сказал ни слова ни кардиналу, ни статс-секретарям, когда узнал, что из Бреста отправляется в Балтийское море французская эскадра. Потом Кантемир жаловался на отказ французских министров сообщать ему депеши Вильнева. "Благосклонность кардинала к цесарю, - писал Кантемир, - ненадежна, да если б кардинал и действительно желал тесной дружбы между своим королем и цесарем, то кардинал уже стар, а всякий другой министр, его преемник, станет держаться старых правил, основанием которых было унижение австрийского дома. Можно почти смело сказать, что здешний двор охотно б вступил с Россиею в тесные обязательства, если б имел надежду разлучить ее с цесарем".

Между тем происходили и непосредственные сношения с Вильневым. В начале года Остерман писал к нему, что из письма его, Остермана, к кардиналу Флери он, Вильнев, может усмотреть, что императрица отдает полную справедливость ревности и необыкновенному благоразумию, с какими он поступает в таком трудном деле; что императрица откровенно сознается, сколько она ему обязана за это, и хотя неутомимые заботы маркиза до сих пор не имели желанного результата, однако ее величество надеется, что провидение даст ему средства счастливо окончить великое дело. Турки не хотят отдать Азова, выставляя опасение, что Россия заведет там флот и будет угрожать им Порте, но это химера, ибо русский флот, некогда там находившийся, слишком дорого стоил России и она другого не заведет; как бы то ни было, впрочем, императрица готова дать формальное обязательство, что в Азове не будет флота, что Таганрог не будет восстановлен. Все опасения, высказанные турецкими министрами, суть пустые слова, ибо они сами очень хорошо знают, как трудно России предпринять какое-нибудь движение для распространения своих границ на счет Порты, не возбудив против себя европейских держав, и особенно могущественную Францию. Остерман заключает свое письмо уверением, что союз между Россиею и Австриею неразрывен и что отдельный мир только с одною из этих держав невозможен.

В апреле сочли нужным еще смягчить условия. Остерман писал Вильневу: "Чтоб заключением мира не умедлить и удовлетворить требованиям своего союзника, ее величество наконец на то соизволила, чтоб все наружные и другие азовские крепости, кроме стены и рва, были разорены и впредь никогда не возобновлялись, но ее величество имеет право построить новую крепость между Азовом и Черкасским островом, а Порта будет иметь право построить крепость у Кубани, в определяемых ей миром границах; если же турки и этим будут недовольны и будут упорно настаивать на совершенном разорении Азова, то ее величество и на это готова

согласиться, предоставляя себе только право на устье Дона для безопасности от внезапного нападения построить батарею или шанцы".

Ставучанская победа и взятие Хотина возбудили в Петербурге надежду на скорейшее и выгоднейшее заключение мира, именно надеялись, что турки за возвращение Хотина уступят Азов со всеми укреплениями, как вдруг пришла роковая весть, что союзник уже заключил прелиминарные статьи с турками. Мы видели, что в конце 1738 года между обоими императорскими дворами дело шло о присылке вспомогательного русского корпуса в Трансильванию для подкрепления здесь австрийских войск. Но главное затруднение состояло в том, что этот корпус должен был пройти через Польшу, а поляки не соглашались пропустить его. Цесарь и министры его были в страшной досаде. Министры говорили Ланчинскому: "Напрасно у вас обращают внимание на сопротивление поляков: от них был бы только шум, а на деле не воспротивились бы, и прежде пошумели за проход от Бендер, да и перестали. Надобно было только коронному гетману и знатнейшим панам раздать деньги. Теперь будут две невыгоды: турки станут доверять противным полякам, а те поднимут головы и станут думать, будто и вправду их сопротивление так сильно и важно, что они одни помешали проходу русских войск, и то и другое и теперь и впредь интересам России и Австрии будет вредно". На помощь Ланчинскому с представлениями о невозможности провести вспомогательный корпус чрез Польшу отправлен был в Вену известный нам барон Бракеель, но австрийские министры были глухи ко всем представлениям, твердили одно - что цесарь не может отстать от требования вспомогательного войска, ибо это единственный способ принудить неприятеля к миру. В июле Ланчинский известил о кровопролитном и для австрийцев злосчастном бою с турками при Гродске; австрийцы потеряли до 6000 убитыми и ранеными; потом пришло известие, что фельдмаршал Валлис отметил туркам также сильным поражением и получил возможность помочь Белграду, осажденному турками. Вслед за тем граф Синцендорф объявил Ланчинскому, что вследствие предложения визиря фельдмаршалу Валлису дано полномочие для заключения мира, и когда Ланчинский заметил, что мир должен быть общий, то Синцендорф отвечал, что в этом не может быть никакого сомнения, притом же Россия имеет при маркизе Вильневе своего эмиссара. 28 августа получено было в Вене известие о взятии Хотина Минихом, по этому случаю один из министров проговорился, что это известие желательно было бы получить двумя неделями раньше; Синцендорф выразился в том же смысле, избегая дальнейших объяснений. Наконец, 1 сентября Ланчинский отправил к своему двору депешу: "С неописанным прискорбием принужден я донести, коим образом мирная негоциация, которая в турецком лагере отправлялась чрез генерала Нейберга и толь долгое время содержана была в крайнем секрете, наконец вскрылась зело гнило, неслыханно и такова, что добрая союзничая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попрана. Граф Синцендорф с немалым печальным предисловием объявил мне: "Принужден я о тяжких погрешениях здешних генералов говорить и

об ужасных последствиях злосчастливого при Гродске бою. Прибавить имею, что на фельдмаршала Валлиса была великая надежда как на искусного генерала, а на деле оказал себя во всем так плохо, что и говорить о том мерзко. После той акции, в которой против всякого резона в тесных местах употребил кавалерию, все делал поперек; потом начал переписку с визирем и вздумал, что для избежания дальнейших потерь надобно пожертвовать Белградом; написал об этом сюда и, не дожидаясь ответа, созвал совет для избрания генерала в посылку к визирю для мирных переговоров. Генерал Нейберг из неразумной ревности сам вызвался и принял на себя дело, которого не понимает, а мы и эмиссара посылать не думали". "Как же, - заметил Ланчинский, - вы сами мне сказали, что посылка генерала Нейберга здесь одобрена?" "Помню, - отвечал Синцендорф, - но иногда говорится для покрытия; к тому же нельзя было тогда надеяться, чтоб от этой посылки были такие злые и в свете неслыханные последствия. Визирь от Нейберга писем пропускать не хотел; наконец без ведома и против инструкции Нейберг заключил срамные прелиминарии, а Белград очень долго еще мог стоять". Ланчинский спросил: "Что же определено об Азове?" Синцендорф отвечал уклончиво: "В конференциях кроме французского посла Вильнева присутствовал и ваш эмиссар Каниони". На вопрос Ланчинского: "Будут ли прелиминарии ратификованы?" - отвечал: "Теперь все в турецких руках и назад идти нельзя, потому что, не ожидая ратификации, начали уже укрепления Белграда взрывать: Нейберг согласился, чтоб Белград очистить и срыть". Сам цесарь "с зело прискорбною миною" объявил Ланчинскому, что известия из Белграда "толь тяжко его проникли и опечалили, что прискорбия своего совершенно изобразить не может; что срамные прелиминарии без ведома и указу его заключены, которые по необходимой нужде ратификовал, понеже вспять идти нельзя было, когда, нимало не описався, начали приводить их в исполнение, и был бы от того вящий вред как общему, так и всего христианства делу, а если б возможно, то б, конечно, не ратификовал. Ныне уже того переменить нельзя, авось-либ всемогущему богу угодно будет впредь способ подать сего ко исправлению. Но как сие дело учинено без его ведома и инструкции, так и немедленно оно остро разыскать велел и докажет как вначале пред русскою государынею, так и перед всем светом, что в сем срамном поступке не имеет никакого участия; надеется он на правосудное сердце русской государыни, что из-за этого злосчастливого случая дружбы своей к нему не переменит, но более сожалеть будет". Ланчинский спросил, упоминается ли в злосчастливых прелиминариях об интересе ее и. в-ства? "Упоминается, - отвечал цесарь, - только не в такой мере, как надлежало и как я желал"". Ланчинский доносил: "От ближних придворных слышу, что цесарь никогда так прискорбен не был: потеря Неаполя, Сицилии, знатной части Миланской области, отдача Оршовой ему не так были чувствительны, как нынешний случай, и, как ни старается, не может по ночам спать; хотя себя и принуждает к веселым разговорам, но прямой отрады получить не может; всякий может видеть, что в лице изменился; цесарева принимает сильное

участие в этой печали и несколько дней уже нездоровя". В газетах было объявлено, что заключение генералом Нейбергом прелиминарии сделано без ведома и прямо вопреки указу цесаря. Это успокоило народ, начавший сильно роптать, но когда разнеслось, что для окончательного заключения мира первым полномочным назначен тот же Нейберг, то ропот возобновился, появились подметные письма, почему удвоены были в Вене караулы по ночам и приняты меры, чтоб войска могли немедленно задавить мятеж, но все обошлось спокойно.

Во Франции, говоря о прелиминариях австрийского сепаратного мира, обнаруживали пред Кантемиром крайнее изумление, непонимание дела, но Кантемир писал к своему двору: "Не трудно рассудить, что это приключение так согласно с их намерением, что если бы сами об нем старались, то лучшего успеха получить не могли. Разделение двух союзнических дворов было всегда их главною целью. Кажется, главное намерение кардинала состоит в том, чтоб всю Европу держать в постоянном смущении и тем удобнее усиливать свою власть при всех дворах и в мутной воде рыбу ловить. О намерении его разделить Россию с Австриею вновь мне сообщено в крайнем секрете тосканским посланником, которому кардинал сам внушал, что все несчастья цесарского двора происходят от союза с Россиею".

Но как бы то ни было, русское правительство не хотело одно продолжать войну, несмотря на то что турки представили еще новое условие, именно чтоб Азовский округ остался пустым. Вильнев заключил мир условно с представлением русской государыне права отвергнуть его. Для окончания дела отправлен был в Турцию известный уже здесь Вешняков. Когда он убеждал Вильнева изменить некоторые условия договора в пользу России, обещая за это высокое удовольствие и достойные знаки благодарности со стороны императрицы, то французский посол отвечал уверениями в своем доброжелательстве к России и в своих крайних стараниях соблюсти ее интересы, но по обстоятельствам он не мог достигнуть всего, чего бы желал. "Главные причины неудачи, - говорил Вильнев, - заключались в дурном положении дел и поступках ваших союзников: главные лица при венском дворе заботятся не о государственных, а о своих собственных интересах, оттого там господствует совершенный раздор между всеми, чему я сам был свидетелем: все генералы в армии один другого злословили передо мною; поступки венского двора становятся день ото дня непонятнее: Так, безо всяких причин стал он давать туркам великие выгоды". Мир был заключен на следующих условиях: Азов остался за Россиею, но укрепления его должно было срыть, окрестности его должны были остаться пустыми и служили разделением между обеими империями, но Россия получала право построить крепость на донском острове Черкаска, а Порта построить себе крепость на Кубани. Таганрог не мог быть возобновлен, и Россия не могла иметь кораблей на Черном море, могла торговать на нем только посредством турецких судов. Большая и

Малая Кабарды остались свободны и должны были отделять обе империи друг от друга.

Вешняков добивался, чтоб в договоре вместо Московской империи было поставлено: Российская; переводчик Порты и согласился было, но рейс-эффенди объявил, что хотя можно и надобно сделать эту перемену, но если не знающие в серале услышат об ней, то подумают, что договор заключен с кем-нибудь другим, а не с русскою государынею. Вешняков обратился к переводчику Порты с просьбою, чтоб помог ему исполнить некоторые желания двора своего, например чтоб султан согласился давать русской государыне императорский титул. Гика клялся Христовым именем, что визирь и рейс-эффенди охотно исполнили бы желания императрицы, видя такое снисхождение с ее стороны, но что сделаешь с здешним невежественным и гордым народом, который никак не может понять, чтоб кто-нибудь мог оказать ему добро не по нужде, заключает поэтому, что и Россия делает уступки по нужде. Императорского титула русской государыне Порты не может дать потому, что дают его государства мелкие: Швеция, Дания, Венеция, Голландия, Гамбург, папа, а главные государи - цесарь, короли французский, испанский, английский и польский - не дают; если б цесарь или Франция признали титул, то и Порты признала бы его немедленно. Тщетно Вешняков возражал, что султан сам собою великий государь, образца ни от кого не требует, ни от какой державы не зависит, честь его требует показать другим образец собою; цесарь дает русской государыне автократорский титул, который почти равен императорскому и приличен только русской государыне, ибо никто таких высочайших преимуществ не имеет; другие государи зависят от чинов и парламентов, от советов и инквизиций, употребляют все свои силы и хитрости, чтоб им противоборствовать, но русская императрица никому отчета в действиях своих не дает. Турки не спорили против этого, но все же предоставили вопрос о титуле будущему времени. Вешняков доносил, что и французский посол никак не в состоянии переломить упорство турок. Вильневу были благодарны и за то, что он сделал; Вешняков вручил ему вексель в 15000 ефимков, а "сожительнице его, посольше" - бриллиантовый перстень. Перстень был принят, но от векселя посол отказался: "Когда будет все окончено, и тогда время не уйдет". Вешняков намекнул на андреевский орден; посол пропустил этот намек без внимания, но в разговоре с посольшею наедине Вешняков уразумел, что ордена желают. Вешняков отзывался о Вильневе так: "Человек уже в летах, доброго нрава, ума не первоклассного, но здравого рассуждения, правдив, а чтоб французский министр был доброхотнее и откровеннее с нами, чем с турками, - этого нет и требовать невозможно, ибо было бы противно французским интересам".

В 1740 году отправился в Константинополь бывалый там человек генерал Александр Румянцев для выполнения условия об отправлении с обеих сторон торжественных великих посольств. О новых отношениях Румянцева к правительству можно получить понятие из письма его к императрице с дороги из Киева: "Вашего императорского величества высочайший и

всемиловитейший указ я здесь со всеподданнейшим и рабским респектом, со всесердечною радостию имел честь принять, усмотря из оногo вашего императорского величества высочайшую и неизреченную к себе милость, что бедной жене моей в небытность мою на пропитание две тысячи рублей денег пожаловать соизволили, а мне ж, всеподданнейшему и всепоследнейшему рабу, в Москве каменный дом князя Алексея Долгорукого в вечное владение пожаловали, и сия высочайшая милость ко мне сотворена с единого своего высокомонаршеского и материнского милосердия, кроме всяких моих рабских бедных служб. Подвергая себя и всю мою бедную фамилию пред высочайший вашгo императорского величества маестет, всенижайшее мое рабское благодарение приношу с таким моим всеподданнейшим обещанием, что сию высочайшую милость ничем иным заслужить не могу, кроме излития остатней капли крови моей". Кончилась турецкая война, стоившая России 100000 человек и огромных денежных сумм. Что же делалось во время ее внутри России и на окраинах, которые не переставали сильно озабочивать правительство?